

INSPIRIA

ДО САМОЙ СМЕРТИ

ОТ АВТОРА
МЕЖДУНАРОДНОГО БЕСТСЕЛЛЕРА
«Я СЛЕЖУ ЗА ТОБОЙ»

ТЕРЕЗА ДРИСКОЛЛ

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Британия

Тереза Дрисколл
До самой смерти

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Дрисколл Т.

До самой смерти / Т. Дрисколл — «Эксмо», 2019 — (Ток. Национальный бестселлер. Британия)

ISBN 978-5-04-169136-3

От автора международного бестселлера № 1 «Я слежу за тобой», чьи триллеры проданы по всему миру тиражом 2 000 000 экземпляров. Три девочки и их самая темная тайна... Они поклялись скрывать ужасающую правду до могилы. Это случилось во время учебы в монастырской школе. Тридцать лет назад. До сих пор Бет и Салли вместе пытаются преодолеть травму от содеянного. Кэрол же отдалилась от бывших подруг. Ничего не поделаешь – жизнь. Главное, все они твердо знают: слово их нерушимо, никто ничего не узнает. По иронии судьбы именно тихий безмятежный монастырь навсегда укроет их тяжкий грех во мраке прошлого. Они ошиблись. Шокирующая новость: обитель закрывают, она пойдет с молотка! А, значит, их страшная тайна неминуемо будет раскрыта, разрушив с таким трудом выстроенные жизни. Настало время исполнить обещание, данное друг другу тремя девочками, дорожившими дружбой больше всего на свете. Но и тут просчет – некто неизвестный УЖЕ ВСЕ ЗНАЕТ... «Захватывающая история и ее великолепное изложение будут держать вас в напряжении до самого конца». – TheSun «Вонзите зубы в этот сочный триллер». – Take A Break «Книга цепляющая, хороша написанная, населенная живыми персонажами; она не отпустит вас еще долго после потрясающего финала». – Джейн Корри «В этом темном и закрученном повествовании Тереза прекрасно описывает душераздирающие узы, на всю жизнь связавшие школьных подруг». – Woman'sOwn «Западающая в душу книга о тайнах, потерях и сожалениях». – MyWeekly

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-169136-3

© Дрисколл Т., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	34
Глава 10	36
Глава 11	39
Глава 12	44
Глава 13	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Тереза Дрисколл До самой смерти

Teresa Driscoll
The Promise

© Лемпицкая О.Н., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается Мэгги и Кристоферу

Этот роман является самостоятельным произведением, чьи события предшествуют событиям книги «Я слежу за тобой».

Пролог

– Кажется, я случайно зажала ей рот...

– Не говори глупостей! Даже не думай! Ты не виновата!

Воздух пропитан горем и запахом крови, они сидят почти неподвижно. Биение сердец отдается в ушах. Где-то тикают часы. Поет птица.

Три девочки. И одна мертва.

Бет смотрит на свое отражение – бледное чужое лицо. На голубой полочке аккуратно расставлены в ряд ракушки. Как странно видеть привычные предметы... Ракушки.

Бет собрала их прошлым летом, вымыла в кухонной раковине и отполировала до блеска. Еще не забылся морской ветер, вкус соли на губах, песок между пальцами ног. Отец с матерью махали ей с шезлонгов в красно-белую полоску. Она почувствовала себя счастливой – полностью, безоговорочно.

– Боже мой... Что теперь делать? Я попаду в ад? Я сгорю в аду? – словно сквозь толщу воды доносится до Бет голос подруги, глухой, неузнаваемый.

Бет смотрит на девочку с посиневшими губами, на лужу крови и понимает: то счастье на пляже – обман. Было и прошло. Навсегда. Как и их детство.

Глава 1

Бет, 2008 год

Вам знакомо странное чувство, когда звук из реального мира проникает в сон? Так вот...

Звонит телефон. Я смотрю на аппарат – нелепый, ярко-красный, огромный. Понимаю, что это сон, но не могу проснуться, поэтому беру трубку. Звон не замолкает. Кладу трубку. Звенит. Беру еще раз. Потом еще.

Наконец открываю глаза. Это мой мобильный! Различаю цифры на табло электронного будильника и мгновенно пугаюсь. Три часа утра. Что случилось? Кто-то умер?

Так, мои на месте. Адам мирно похрапывает под боком. Дети в соседней комнате, вижу сквозь открытую дверь: рука Эма в пижамной рубашке с ракетами и звездами свешивается с кровати, малыш Гарри спит в детской кроватке. Однако есть и другие любимые мной люди, и я, холодея от ужаса, прикладываю трубку к уху.

– Салли плохо! Можешь приехать, Бет? Она потеряла ребенка, – тихо и быстро говорит Ричард.

Помолчав, повторяет, словно я не расслышала с первого раза:

– Она потеряла ребенка.

Резко сажусь, зажимаю рот рукой, но слишком поздно – сдавленный вскрик вырывается наружу. Адам просыпается, испуганно смотрит на меня. Гарри садится в кроватке, потом с уютным сопением укладывается на другой бок.

Трубка выскользывает на пол, я шепотом повторяю:

– Салли потеряла ребенка. Ричард звонил.

Адам закрывает глаза и болезненно морщится. Он, разумеется, сочувствует Салли, но еще – я вижу по виноватому лицу, – также, как и я, радуется, что беда случилась не с нами – наши дети живы.

Я снова беру телефон.

– Как она? Где вы? В больнице?

– Дома. «Скорая» уже едет, а Салли заперлась в ванной. Не пускает. Говорит, никому, кроме тебя, не открывает.

– Еду! – бросаю я, отключаюсь и вскакиваю с кровати. Хватаю со спинки стула тренировочные штаны и джемпер, натягиваю прямо на голое тело, сообщаю Адаму, что еду к Салли. Он не возражает, лишь просит вести машину осторожней.

Какая тут осторожность!.. Гоню как сумасшедшая, почти вслепую, потому что гневные слезы застилают глаза. Яростно сигналю.

Паркуюсь рядом с автомобилем Салли, вылезая. Машина медленно катится под уклон – забыла поставить на ручник. Приходится снова запрыгивать внутрь и тормозить. Когда вылезая во второй раз, ударяюсь ногой, из раны над лодыжкой сочится кровь, но я не чувствую боли. Я вообще не чувствую тела.

Звоню один раз, другой – *черт возьми, где он?* – третий. При каждом торопливом выдохе, словно дракон, выпускаю клубы пара в ночную прохладу. Ричард наконец отпирает дверь. Жаль, что я и в самом деле не изрыгаю пламя – спалила бы его дотла и переступила через кучку пепла без малейшего сожаления. Ричарду я точно не сочувствую. Ненавижу его! За измены, за самоуверенность, за то, что он изначально не хотел потерянного ребенка.

Минуя Ричарда, бегу по лестнице. В зеркале на верхнем пролете вижу, как в дверном проеме мигают сигнальные огни «Скорой помощи». Дергаю ручку ванной комнаты – заперто.

– Салли, дорогая, это я – Бет! Впусти меня, пожалуйста!

Приглушенные рыдания, шорох.

– Салли, пожалуйста!

Наконец шелкает задвижка. Дверь не поддается, видимо, Салли сидит, прислонившись к ней спиной. Я уговариваю ее подвинуться. Едва захожу внутрь, Салли захлопывает дверь и умоляет запереться. Выполняю просьбу.

Салли сидит на полу, широко распахнув полные ужаса глаза, в белой пижамной рубашке с сердечками. Совсем, как ребенок, которому приснился кошмар. Вместо штанов окровавленное полотенце на талии. Она очень бледна, ее трясет. Мне становится страшно, я обнимаю Салли и чувствую, что тоже дрожу. Салли отстраняется, молча смотрит на меня, затем произносит:

– Его больше нет.

Последнее слово повисает в воздухе, словно бесплотный дух.

Шаги на лестнице, голоса за дверью. Бригада «Скорой помощи». Прошу подождать, объясняю Салли, что нужно впустить врачей – они помогут. Салли не слушает, мотает головой.

– Минутку! – кричу я через дверь.

Салли мерно покачивается, а затем тянется к ванной и достает свернутое в тугой валик бледно-голубое полотенце с подтеками крови.

– Бет, там мой ребенок... Я боюсь открыть.

Она умоляюще смотрит и протягивает полотенце. Нет, только не это! Даже думать не хочу! У нее рассудок помутился от горя.

– Ерунда! Ничего там нет! Срок слишком мал. Нет никакого ребенка! Точно!

Лицо Салли искажено мукой, глаза широко раскрыты.

– Надо взять его с собой... Вдруг еще можно?.. Возьмем его, Бет! Вдруг?..

У Салли дрожат руки. Я понимаю, что бесполезно взывать к здравому смыслу. Слишком большая потеря крови. Она снова начинает раскачиваться. Аккуратно убираю волосы с ее лица, поднимаю сверток и обещаю, что ни за что его не брошу. Я о нем обязательно позабочусь, а она должна – ради меня – впустить врачей. Салли кивает. Не знаю, что пугает больше – сверток в руках или обращенные на меня доверчивые глаза. Открываю дверь, врачи кидаются к Салли – они, в отличие от меня, знают, что делать.

Салли больше не сопротивляется, Ричард говорит, что тоже поедет в больницу, она даже его не прогоняет. Я говорю, что догоню на машине, держу окровавленное полотенце и киваю – пусть Салли не сомневается, я сдержу обещание.

Нахожу на полке пустую сумку для туалетных принадлежностей, превозмогая тошноту, кладу туда сверток и с этим в багажнике еду следом за «Скорой». Мне не по себе, хоть я и уверена, что Салли ошибается.

Дальше бесконечные осмотры и анализы. «Без осложнений», – успокаивают врачи. Салли плачет не прекращая. Я сижу рядом, глажу ее по голове, однако меня вскоре выгоняют в приемную, велют оставить Салли наедине с Ричардом. В приемной противно, холодно, пахнет хлоркой и, несмотря на запрет на курение, сигаретами. В углу автомат с напитками – спереди прилеплена коричневым скотчем надпись «НЕ РАБОТАЕТ», снизу вмятина. Так и тянет воспользоваться случаем и добавить еще одну. Нельзя. Приходится ходить из угла в угол. Наедине с мыслями. А мысли совсем не радостные.

Я уже начала откладывать вещи для ребеночка, у меня целая коробочка в гостевой. Не надо было искушать судьбу...

Все-таки пинаю автомат.

К Салли меня пускают два часа спустя. Ричард, оказывается, давно ушел, Салли его прогнала. Это случается не в первый раз, но, видимо, в последний. Наконец мне разрешают забрать

Салли домой, мы едем медленно, я не знаю, как утешить, лишь держу за руку, когда не переключаю передачи.

Неудивительно, что она порвала с Ричардом. О его последнем романе она узнала вскоре после того, как тест на беременность оказался положительным. Теперь уже незачем пытаться его простить, наладить отношения.

Хорошо помню, как Салли впервые обнаружила измену. Она сидела на бежевом ковре в спальне и методично резала одежду Ричарда – пиджак от «Армани», куртка от «Хуго Босс». Клацали ножницы.

Салли гостит у меня около двух недель. Я дарю ей магнолию. Банально, конечно. К тому же кривой росток в черном пластмассовом горшке выглядит довольно жалко, однако мне больше ничего не приходит в голову.

В нашей школе под окном росла прекрасная магнолия. Салли ее любила, часто читала, прислонившись к стволу, и на ее лице плясали темными пятнами тени листьев.

Я рою глубокую яму, на лице Салли снова тень – на этот раз более темная.

Мы обе знаем – в сумке ничего нет. Это-то и ужасно. *Ничего нет...*

Тем не менее мы хороним ее – зарываем под молодой магнолией в моем саду, потому что уже понятно – свой садик Салли придется продать. Произносим молитву. Вот и все...

Магнолия сейчас в цвету – высокая, красивая; ее расцвет краток, но прекрасен, как и родительское счастье Салли. Каждую весну, глядя, как ветер срывает лепестки, я думаю о хрупкости человеческих надежд.

Я рада, что была рядом с Салли в самый тяжелый момент ее жизни.

Однако у меня есть еще одна подруга, вернее призрак, с которой мне пришлось пройти еще более тяжкое испытание. И с ним, к сожалению, я не справилась.

Глава 2

Бет, настоящее

Восьмой по счету весной после описанных событий нам с Салли присылают по письму. Одинаковые письма в одинаковых кремовых конвертах для двух разных адресатов. Салли спокойно открывает свой конверт в тихой квартире с белыми коврами и белыми диванами.

Я письмо теряю.

Почтальон сует мне его вместе с газетами и счетами через окно машины. Мы на старте – отправляемся навстречу беспокойному семейному отдыху по случаю школьных каникул. Велосипеды, коробки и двое постоянно дерущихся мальчишек наконец погружены. «Не прошло и двух часов!» – думаю я и поглядываю на Адама – он так же измотан, как и я?

Раньше, до появления детей, Адам обожал устраивать сюрпризы. «Запасись одеждой потеплее», – бывало предупреждал он с улыбкой. Или – «там будет снег». И до самого аэропорта держал в секрете, куда мы едем.

А сейчас?.. Льет дождь, я смотрю, как ручейки обтекают стрелки «дворников», и мысленно благодарю всевышнего, что в «Лесном приюте» есть бассейн. Затем открываю страницу бронирования, чтобы вбить адрес в навигатор.

– Боже мой... Адам, какое сегодня число?..

– Шестнадцатое.

Я сверлю глазами бронь, словно это может что-то исправить – тщетно.

Дома сущий ад.

– Мы пропустили отпуск? Ты серьезно? Мы *пропустили отпуск*?

Адам, бледный от потрясения, в свою очередь, сверлит глазами меня, мальчишки катаются по коврику, воют в два голоса и отчаянно сучат ногами, как пораженные средством от насекомых мухи.

– Как можно перепутать даты отпуска? Перепутать неделю!

А сам ни разу не организовывал семейный отдых с тех пор, как родились мальчишки... о сюрпризах я вообще молчу! Долю секунды даже размышляю – не припомнить ли ему это, но вовремя сдерживаюсь. Сейчас не та ситуация.

Голос у Адама не менее потрясенный, чем выражение лица – он отказывается верить в происходящее. Если честно, я и сама не верю. Как и главный администратор гостиницы.

– Вы просто пропустили... ваше время? – удивляется она.

Увы-увы... Пока она проверяет данные, я зажимаю подбородком трубку и машу руками Адаму и мальчишкам, чтобы помолчали хоть секунду и дали мне спокойно вести переговоры.

Признаю свою вину и полную несостоятельность. Должно быть, перепутала даты школьных каникул и забронировала не то время. Мне очень-очень жаль, а нельзя ли нам предоставить другой номер? *Любой*. Тем более что мы *постоянные клиенты*...

В трубке молчание. Мне уже было неоднократно сказано, что *в дни каникул свободных мест нет*. Пытаюсь предложить дополнительную плату, получаю вежливый отказ. Тогда спрашиваю, почему на прошлой неделе нас не хватило. И завершаю победным: «Кто, интересно, занимал наш полностью оплаченный семейный люкс?» Кажется, сработало. Мухи на ковре перестают сучить лапками и прислушиваются.

Наконец администратор предлагает мне отдельный домик, где слегка заедает дверь террасы.

– Официально он сейчас на ремонте, – поясняет она.

Я сообщаю девушке, что она спасла мне жизнь и брак. Записываю новый номер брони, кладу трубку и торжествующе вскидываю руки.

Наверное, в этот момент письмо и выпало. Провалилось за батарею. Поэтому до самого возвращения – до звонка Салли – я понятия не имею о неотвратимо надвигающемся событии, которое полностью перевернет и омрачит нашу жизнь.

* * *

– Что же нам теперь делать?

– Ты о чем?

– Бет, хватит дурачиться! Не до шуток.

– Прости, Салли. Ничего не понимаю. Мы только вернулись, я еще вещи не разобрала...

– Я про школу, Бет! Школу закрывают!

Я на кухне, жую бутерброд с тунцом и майонезом, болтаю с Салли с набитым ртом и созерцаю горы стирки. Я специально сложила накопившееся за поездку грязное белье в одну кучу, чтобы она напоминала Килиманджаро и те дни, когда слово «гора» не ассоциировалось исключительно со стиркой. Неужели мы столько перепачкали за четыре дня? По-моему, некоторые вещи я вообще вижу впервые.

На вершине «Килиманджаро» незнакомый желтый носок. Я отворачиваюсь, чтобы сосредоточиться на разговоре с Салли. Не пойму, о чем она толкует, что последнее время, впрочем, не редкость. Она сама себя не всегда понимает.

– О чем ты? Какую школу?

На ум сразу приходит школа моих мальчишек, но тогда Салли наверняка ошиблась – я услышала бы об этом первой. Нажимаю кнопку на чайнике.

В трубке долгое странное молчание. Затем Салли вдруг начинает тараторить:

– Монастырь закрывают! Тебе разве не прислали письмо? Господи, Бет, усьмири уже свою дурацкую гордыню и вернись в «Фейсбук»! Это правда! Везде уже написали. В «Твиттере» тоже! Монахинь не хватает. Участок продают, здания сносят. Старшие классы, спальни – все. Будет большая прощальная вечеринка. Ты даже на сайте есть! Почему они тебе-то не написали?

Ворчит чайник, я вспоминаю про кремовый конверт с почтовым индексом графства Сассекс – я ведь действительно держала его в руках, когда мы под дождем вели детей обратно в дом.

– Прости. Такая суета была... Кажется, потеряла письмо.

Салли досадливо цокает языком. Стиль ее жизни после развода разительно отличается от моего. Я очень надеялась, что за столько лет она успеет встретить правильного мужчину. Однако этого не произошло. Салли живет упорядоченно, в ее квартире слишком чисто и слишком тихо, и она давным-давно ничего не теряла, если не считать рассудка, которого она, по моему мнению, давно лишилась.

Я затапливаю в рот последний кусок бутерброда с тунцом и чувствую, как невольно сходятся на переносице брови. Сводит живот. Я запрещала себе думать об обители Святого Колмана. Вот уже много лет.

Салли замолкает, и я пользуюсь паузой, чтобы достать молоко из холодильника. Не успеваю глотнуть, как Салли снова принимается трещать. Интересно, сколько монахинь осталось. Кто из знакомых жив. Салли говорит слишком быстро и неестественно громко, а живот сводит все сильнее.

– Ради бога, скажи что-нибудь, Элизабет! – просит Салли уже тише и без прежней напускной бодрости.

Элизабет. Она никогда не называет меня полным именем.

– Что будем делать? – еле слышно спрашивает Салли.

До меня доходит. Осознание накрывает холодной волной, словно я была под действием обезболивающего, а теперь оно прекращается, и судорога сковывает мышцу за мышцей – я бросаю грязное белье и застываю на месте.

Я настолько привыкла не думать об этом, что потрясение ощущается всем телом. Пульсирует в кончиках пальцев. Струится по жилам. Я напряжена целиком, все чувства обострены.

– Думаешь, она прочтет новости?

Я не произношу имени.

Кэрол.

Это имя запрещено произносить.

– Не знаю, Бет... Вполне возможно. Ну, а ты что думаешь? Лучше ничего не предпринимать, верно? Пусть сама решает.

Я молчу дольше прежнего, прижимаю трубку к щеке, слушаю дыхание Салли и стук крови в ушах – все громче и громче.

Кэрол.

Закрываю глаза в надежде приглушить стук и дыхание. Не помогает.

– Думаешь, прочтет?

– Не знаю... не знаю. Есть же соцсети... Возможно. Ты согласна, да? Не будем ничего делать? Да?

Я сажусь. Боже мой...

Кэрол.

Сколько лет прошло!

– Бет, умоляю, скажи что-нибудь...

Проходит три дня, прежде чем мы с Салли решаемся посмотреть друг другу в глаза – три дня я живу словно во сне. Совершаю необходимые действия на автопилоте. Покормить детей завтраком. Загрузить посудомойку. Обед. Разгрузить посудомойку. И так далее.

Вечером смотрю новости и поглядываю на Адама. Представляю, как на экране роют землю экскаваторы, а затем диктор объявляет: «Было найдено тело».

– Бет, ты хорошо себя чувствуешь? Белая, как полотно...

– Все в порядке, Адам.

Ложь. Сколько лжи!

Я совершенно измотана – не сплю ночами. Салли наконец готова увидеться. Предлагает встречу в баре «У Джулио» на Хай-стрит, и я понимаю почему. Мы с Салли там завсегда, «У Джулио» будет, как обычно, шумно и людно, словно ничего и не произошло, что совершенно не сочетается с тем, как мне сейчас плохо.

«У Джулио» – лучший в мире бар, старенький и уютный, оплывающие свечи в пустых бутылках из-под вина «Фраскати», на стенах потертые виды Италии в дешевых рамках. Много фотографий Джулио с членами семьи и любимыми клиентами. Попадают фото полузабытых знаменитостей, которые на закате актерской карьеры иногда заскакивают после детских рождественских представлений в местном театре. В самом центре – мы с Салли с розовыми от вспышки глазами сияем улыбками над именинным тортом – тоже розовым.

Салли на фотографии радуется и смеется. Сегодняшняя Салли опаздывает на встречу и ведет себя странно: машет рукой через окно, а в глаза не смотрит, нервно стряхивает воду с зонтика, долго обменивается любезностями у бара, прежде чем сесть ко мне за стол.

Я коротаю время, заливая в себя изрядное количество джина с тоником и перечитывая письмо, которое нашла среди паутинок за батареей. Орден святого Колмана пришел в упадок, не хватает денег и монахинь. Изначально орден появился в Бельгии, несколько десятков лет назад была основана школа в окрестностях города Рай. Сейчас желающих вступить в орден все меньше, как и воспитанниц. Содержать пансион стало невыгодно, следовательно, среднее

звено придется закрыть. Все кончено. Останутся только младшие классы в здании поменьше на другом конце города, а среднюю школу закроют. Как и пансион. Территорию продают.

Монахини грустят, однако обещают устроить большой прощальный праздник. Не рядовую встречу выпускниц, а именно прощание.

Салли сжимает в руках объявление, распечатанное с сайта монастыря, а Джулио наливает ей вина – про заказ пока не спрашивает.

– Конечно, монахинь не хватает! – замечает Салли, заправляя волосы за уши. – Кто согласится жить без секса?

Вообще-то, последние три года Салли сама обходится практически без него, но я молчу.

– Послушай, – все еще с напускной веселостью начинает Салли, теребя волосы. – Послушай, я много думала...

Она переходит на шепот:

– Ничего ведь не изменилось, правда? Мы поклялись, Бет. Закрытие школы никак не влияет на клятву. Никак!

Я внимательно смотрю ей в лицо. По глазам видно, что Салли измождена не меньше меня.

– Послушай, я понимаю, что тебе еще тяжелей, чем мне, но...

– Не надо, Бет! Пожалуйста! – восклицает Салли.

Пара в дальнем конце зала оборачивается.

– Прости... – понижает голос Салли.

Она перебирает приборы – выравнивает ножи, затем ложки. Отодвигает хлебную корзинку.

– Давай не будем об этом говорить, Бет! Я, конечно, тоже переживаю. Но говорить об этом... не хочу.

А я хочу. Безумно. Я бы рассказала ей, как сильно боюсь, что нас разоблачат и любимый муж меня бросит. Семья разрушится.

Однако мы сидим и молчим. Салли сжала губы и закрыла глаза, а я размышляю, что же делать дальше. Думаю о ящике Пандоры. О верности слову. О клятве. Я теперь жалею о ней всем существом...

О луже крови. О девочке с посиневшими губами.

И больше всего я думаю о Кэрол.

Вот уже три ночи я лежу в постели без сна с мыслями о ней. Пытаюсь вообразить ее в совершенно другой – нормальной жизни – ее картины, дом, дети рисуют акварельными красками.

Выуживаю из джина с тоником кусочек лимона, кладу в рот и яростно высасываю сок.

– Ты же знаешь – я никому не скажу, Салли! Столько лет прошло...

– Значит, оставим все как есть?

– Нельзя! Теперь уже не получится. Риск слишком велик – сама понимаешь.

– Сначала я запаниковала. А потом все обдумала. Она бы не хотела ворошить прошлое.

Вдруг пронесет, вдруг обойдется?

Я отвожу глаза в сторону кухни. Представляю, как сносят монастырь. Бульдозеры выгребают слипшуюся землю.

То, что я сейчас скажу, Салли не понравится. Я набираюсь храбрости и, зажмурившись, чтобы не видеть ее лица, выпаливаю:

– Салли, решать ей. Значит, и спрашивать нужно *у нее*.

Салли реагирует так, как я ожидала. Долго сидит, уставившись в стол, затем поднимает глаза – а в них не грусть и не растерянность, а бездна отчаяния.

Я только однажды видела ее такой...

Глава 3

Бет, прошлое

Мне было одиннадцать. Тогда я в первый раз побывала в обители Святого Колмана, и разочарование помню по сей день. Это было хуже, чем узнать, что Санта-Клауса не существует. Еще одна детская мечта разбилась вдребезги.

Дело в том, что я читалась Энид Блайтон¹ и, пока мы ехали по холмистой местности среди садов графства Кент в Сассекс, рисовала в воображении сцены из «Мэлори Тауэрс» – веселые проделки и полночные пиры. Мне представлялось величавое здание кремового цвета (разумеется, часть охраняемого Национальным фондом исторического наследия), пастельные розы у парадного крыльца, пони в загончике.

Родители буквально лопались от гордости при мысли, что дочка отправляется в пансион, и две недели каждый день твердили, какие большие надежды возлагают на школу. Оказалось, что школа вот-вот развалится, и мы совершенно растерялись – как на нее что-то *возлагать*?

Когда, завернув за угол, мы въехали на маленькую парковку перед монастырем, мама не меньше меня была разочарована обшарпанным фасадом. Я поняла по взгляду, которым она обменялась с отцом, и по тому, как она откашливалась, подбирая слова.

Однако мама была прекрасным специалистом по раскрутке еще до появления пиара в его нынешнем виде. У нее худо никогда не обходилось без добра – вот и тогда наметанный глаз нашел, за что зацепиться.

– Смотри, какой чудесный сад, Бет! – произнесла она и выразительно изогнула брови, подавая знак отцу, чтобы тот подключился и помог поднять мне настроение. Я с нежностью смотрела, как мама указывает на растения и восхищается видами, а под ложечкой сосало от тоски по дому и страха – как же я тут одна, без маминого несокрушимого оптимизма?

Я не раз с большой благодарностью вспомню этот момент, потому что мама, как обычно, оказалась права. Сад был главным достоинством обители Святого Колмана, и со временем я очень полюбила его причудливые заросли, где розы всевозможных оттенков сражались за место под солнцем с садовыми растениями. Лужайки, где мы часто лежали на траве с Салли и Кэрол, готовясь к экзаменам или наблюдая, как бабочки перелетают с одной сиреновой грозди на другую. Нам было хорошо и спокойно.

Однако в первый день я не оценила чудесного сада. Ничто на свете не могло отвлечь меня от уродливого здания пансиона.

Обитель Святого Колмана оказалась развалиной. Из стен выпадали камни. И пахло там отвратительно...

Для начала расскажу о запахе, потому что именно он стал главным впечатлением от первого визита. Школа состояла из большого нового здания, соединенного полуразвалившейся оранжереей со старым особняком, где располагались жилые помещения. Наш тур начался именно там – в доме георгианской эпохи² с плоским фасадом и штукатуркой странного оранжево-розового цвета. Уже в просторном главном вестибюле бил в нос сладковато-едкий душок.

¹ Энид Мэри Блайтон (1897–1968) – британская писательница, автор детско-юношеской прозы, один из самых переводимых в мире беллетристов; в серии романов «Мэлори Тауэрс» действие разворачивается в женской школе-интернате, чье здание напоминает замок.

² Георгианская эпоха – в узком смысле – период последовательного правления в Великобритании королей Георгов I–III (1714–1811); используя термин в широком смысле, сюда добавляют правление Георга IV и Вильгельма IV, продлевая эпоху до восшествия на престол королевы Виктории в 1837 г.

Позже мне рассказали популярную среди обитателей легенду о происхождении запаха – якобы когда-то давно одна из монахинь нарушила обет и забеременела, и в наказание ее заживо замуровали.

Отец всегда склонялся к более прозаической версии – сырость.

Как бы там ни было, монахини пытались замаскировать вонь садовыми цветами. В вазах всегда стояли свежие букеты, в глубоких тарелках лежали лепестки. Маме очень понравилось это решение, и даже я согласилась – цветы, хоть и не заглушали запаха, делали жилые комнаты более уютными.

Теперь по поводу развалин. Несмотря на высокие цены, обитель Святого Колмана пребывала в непрекращающемся финансовом кризисе. Поэтому, когда кусок камня откалывался от балюстрады или кирпич не выдерживал битвы с сыростью, их просто откладывали в сторону. А трещины в оранжево-розовом фасаде закрывали вьюнками.

В результате сад был действительно прекрасен, а сама школа держалась – такое складывалось впечатление – исключительно за счет вьющихся растений. Убери одну лозинку – рухнет вся конструкция.

– Кошмар! – шепнула я маме, пока мы шли через вестибюль за высокой стройной монахиней.

– Ну что ты, дорогая! Не расстраивайся раньше времени! – утешала мама.

Папа предоставил поднятие моего боевого духа маме и молча плелся позади. Красные стрелки на листках формата А4, расклеенных по деревянным стенам, привели в столовую, где гостей разделили на маленькие группы для экскурсии – нам досталась та же высокая монахиня, которая встретила нас в вестибюле, – сестра Вероника. Она была слишком привлекательной для монахини, я даже подумала – не наняли ли ее в актерском агентстве? Подобрали актрису, чтобы производила хорошее впечатление на родителей и сглаживала очевидные недостатки школы. Экскурсия была краткой. Сначала осмотрели пансион. Спальни. Ванные комнаты. Столовую. Гостиные. Затем прошли через оранжерею в здание школы. Я была словно в тумане. Запомнились лишь облезлые стены. И, конечно, запах.

Потом сняли мерки для пошива формы и раздали блестящие брошюры – теперь стало понятно, почему на них не фотография школы, а рисунок. Я втайне надеялась, что не прошла вступительный экзамен.

– Ну как? – спросила мама по дороге домой.

– Я ожидала другого...

– Не суди по одежке!

Папа глубоко вздохнул.

– Подумать только – наша Бет в пансионе! – сказал он, и в голосе звучала гордость, надежда и вера в то, что школа, несмотря на убогий внешний вид, откроет передо мной «большие возможности». У меня не хватило духу отказаться.

Два месяца спустя мы снова ехали той же дорогой. Мой первый учебный триместр. Чемоданы в багажнике. Опухшие глаза. Мама на переднем сиденье сморкалась в носовой платок.

Я боялась расплакаться при прощании и слишком быстро выпроводила родителей. Помню, как сразу же пожалела и как отчаянно мне захотелось плюнуть на эту дурацкую затею и броситься вслед за машиной.

Вместо этого я побрела вслед за уже знакомой сестрой Вероникой в мою будущую спальню, где меня познакомили с соседками, которые уже распаковывали чемоданы. Три девочки на противоположном конце комнаты были, без сомнения, хорошо знакомы и, к нашей зависти, сидели тесным кругом, обмениваясь новостями. Кратко улыбнувшись вновь прибывшим, они сразу же вернулись к каникулярным историям.

Мое имя было аккуратно выведено черными чернилами на табличке, прикрепленной к изголовью одной из кроватей, на двух соседних табличках тем же наклонным почерком было написано «Кэрол» и «Салли». Кэрол и Салли тоже явно стеснялись.

Мы еще не переоделись в форму, что подчеркивало разницу между нами и дружной троицей в углу. Те гордо несли свою привилегированность. Их чемоданы успели попутешествовать, одежда была куплена в дорогих магазинах, а рассказы о проведенных каникулах были словно из другого мира.

Наша половина комнаты сильно отличалась. Наши чемоданы были новенькими и блестящими, мой – из бледно-голубой пластмассы, купленный по дешевке.

Таблички с именами были и на маленьких прикроватных тумбочках, и на больших платяных шкафах в углу спальни. Пока я расстегивала чемодан, девочки стали болтать громче. Как я и думала, они вместе закончили начальную школу при монастыре.

Мы с Салли и Кэрол обменялись смущенными улыбками и начали обустриваться; я начала с одежды, это было еще терпимо, но когда настала пора застилать кровать, у меня снова скрутило живот. Я ждала этого момента с содроганием. Покрывала привозить не разрешали во избежание лишней стирки, и в списке вещей значилось два одеяла и четыре простыни. Неделий ранее мама отложила для меня два темно-серых армейских одеяла, и я с ужасом подумала (и не ошиблась), что у остальных одеяла будут пушистые и цветастые, отороченные лентой – я видела их в рекламе дорогих гостиниц и умоляла маму купить мне такое. Сейчас стыдно вспомнить, как важно мне было иметь новое одеяло, но мама, не теряя жизнерадостности, объяснила, что пособия, которое папе выделила армия, хватит только на оплату обучения. А еще форма... На одеяла пока денег нет. *Не сейчас. Может быть, на следующий год, Бет!*

Мне и так несказанно повезло учиться в пансионе.

Я до последнего не заправляла постель, откладывала минуту, когда придется достать уродливые одеяла со дна чемодана. Нарочно долго возилась с одеждой, пока все не ушли вниз пить чай. Кэрол тоже почему-то задержалась, поэтому узнала о моей беде. Она первая в школе увидела мои слезы.

– Не грусти! Мы привыкнем! – принялась утешать она.

– Я плачу не потому, что скучаю по дому...

Я потеряла переносицу, первый раз взглянула Кэрол в лицо и обомлела от ее красоты. Длинные прямые светлые волосы, ярко-синие глаза. Под одной бровью маленькая родинка, словно создатель специально добавил крошечный недостаток, чтобы небесное творение походило на обычных людей. Я снова потеряла переносицу, слишком подавленная, чтобы позавидовать неземной красоте.

– Одеяла... – краснея, прошептала я, чувствуя себя жалкой и глупенькой. – У меня ужасные одеяла. Стыдно показывать.

Для наглядности я вытащила серые армейские покрывала.

Кэрол молчала всего пару секунд, а потом лоб ее разгладился, как у человека, нашедшего выход из сложной ситуации. А потом я в одну секунду поняла, что за человек Кэрол. Она не стала говорить, что мои одеяла не так уж плохи, она просто сдернула с кровати одно из своих.

– Мы поделимся. Серое снизу, розовое сверху. Никто не увидит.

Невероятно! Я готовилась умереть от стыда! И вдруг неожиданное избавление! Меня спасла совершенно незнакомая девочка. Знаете, я сразу ее полюбила. Я-то думала, что людям с такой потрясающей внешностью совсем не обязательно быть добрыми – они и без того всем нравятся. К чаю мы спускались вместе, Кэрол ободряюще улыбалась. Я с удивлением и облегчением подумала, что обитель Святого Колмана лучше, чем я ожидала.

За чаем с пирожными Кэрол рассказала, что попала в пансион, потому что мама выиграла в лотерею.

– Я предлагала промотать – круиз, машина, что-нибудь в этом роде. Но мама завела песню про образование и «возможности», вот я и здесь.

Папа Салли тоже был военным и получил пособие. Ее родители так же, как мои, решили, что ребенку хватит прыгать из школы в школу с каждым отцовским переводом, потому что пора готовиться к экзаменам. Салли пожаловалась, что мама всю дорогу плакала. Мы понимающе закатили глаза – ох уж эти родители! – а сами очень по ним скучали.

Переводя взгляд с Салли на Кэрол, я чувствовала – это начало чего-то важного.

Той ночью, уткнувшись в подушку, я вдыхала запах дома и представляла, как мама улыбается мне поверх гладильной доски. Потом, проведя рукой по розовому одеялу, я поблагодарила Бога за новых друзей.

Я до сих пор люблю розовый цвет. Он напоминает мне Кэрол.

Глава 4

Кэрол, настоящее

Вторник

Здесь, во Франции, меня называют Кароль. Кароль. Ударение на последнем слоге. Я привыкла. Я ко многому привыкла.

Последнее время мы в основном живем на юге, жарковато, на мой вкус, зато мне нравится здешний сад. Не бассейн, вымощенный бирюзовой плиткой с толстыми, разинувшими пасти рыбинами, не земляные террасы, которые спроектировал ужасный дружок Неда, архитектор из Лиона, а именно растения. Люблю тенистые виноградники и яркие бордюры клумб.

Я сейчас в саду. Растения меня успокаивают.

На сайте школы новые сообщения, в «Фейсбуке» тоже – просят выйти на связь, уже почти отчаянно. «Девочки, бронируйте билеты». «Не откладывайте!». «Кэрол, где ты?» Все в таком духе.

Я очень стараюсь о них не думать. О Бет и Салли.

Не думай, Кэрол!

Займись делами. Ужином.

Надо напомнить Пьеру, что придет семейство Хейлов, а Элла вегетарианка.

Когда я заказываю вегетарианскую еду, Пьер всегда грозитя уволиться. Говорит – не желает тратить время на людей, которые, видите ли, не едят мясо. «Добавлю в жаркое фуа-гра или конины – будут знать!»

Я каждый раз натянуто смеюсь и надеюсь, что это шутка.

Льщу. Упрашиваю. Предлагаю приготовить грибы, «как он один умеет».

Сейчас Пьер мурлычет под нос песенку. Пить еще не начал. И то и другое хороший знак.

Времени предостаточно. Нед приедет пораньше. Хейлы будут поздно. Я издали вижу трактор Джонатана Хейла на их самом большом поле. Они приехали на юг всего несколько месяцев назад и еще не оставили фермерские амбиции, не поняли, что здешнее солнце обращает любые надежды в пыль.

Подожду, когда Джонатан посмотрит на часы и отправится в душ – смыть с себя жаркий день и пыль надежд. Он поднимется в дом, тогда и я пойду. Проверю сервировку стола, посмотрю, что за вино подал Пьер, и надо убедиться, что в грибах нет фуа-гра.

Буду вести себя хорошо.

Глава 5

Бет, настоящее

Я разыскивала Кэрол и раньше. Тайком от Салли. Правда, не слишком усердно, не как сейчас. Осторожные попытки, которые я тут же бросала, если они не приносили плодов. Находила отговорки. Дети. Работа. Адам. *Это ее выбор. Имеет право.*

А сейчас?

За неделю я исчерпала все возможности и лишь подтвердила то, что всегда знала в глубине души. Кэрол нарочно прячется, и ничего уже не «обойдется». Вместе с обителью Святого Колмана разрушатся и наши жизни.

В баре «У Джулио» я подбираю слова, чтобы рассказать об этом Салли, и вдруг...

– А! Мисс Худини! Вот ты где!

Черт!

– Бет, ты мои сообщения читаешь?

– А что?

– Как у нас с однополыми родителями? Найдем?

Посетители бара оборачиваются. Это моя начальница Стелла. А речь о скандальном телевизионном проекте «Откровенный разговор». Стелла утверждает, что мы сводим вместе шесть героев, чтобы они проявили эмпатию и поделились своими бедами, а на деле выходит малобюджетное безобразие в лучших традициях низкопробных ток-шоу, которые, к слову сказать, давно устарели. На основных каналах их не увидишь.

– Как там трансвестит?

– Я над этим работаю, Стелла.

– Хорошо-хорошо. Слушай, я знаю, ты сомневаешься насчет формата. Да и все думают, что лучше снимать идиотское реалити. Но я тебе точно говорю – ток-шоу снова входят в моду! Поверь, Бет, люди хотят развивать эмпатию! Эмпатию, понимаешь?

Я с тоской смотрю на пустой стул напротив.

– Не волнуйся, дорогуша, я ненадолго. Поем и побегу. Но ты со мной обязательно свяжись! Насчет трансвестита. Завтра крайний срок!

– Конечно, Стелла! Обещаю. Делаю все что могу.

– Ну и ладненько. Буон аппетито!

Стелла возвращается к планшету, ее столик вскоре ломится от еды, которую Стелла принимает жадно поедать. Не то что герои шоу – их рассаживают вокруг непомерно большого кофейного стола, уставленного десертами, которые им запрещено даже трогать.

«Десерты не есть!» – предупреждаем мы в начале каждой съемки. Еще не закончилось судебное разбирательство после пилотного выпуска – тогда одна гостья подавилась пирожным, а помощник режиссера неумело применил прием Хеймлиха³ и сломал ей два ребра.

Смотрю, как Стелла запикивает в рот фирменную говядину в сливочном соусе от Джулио. Я бы и работу мою туда же запикинула! Однако не надо забываться. У этой должности есть козырь, которым не размениваются. Мне *удобно*. Работаю в основном дома. Съемки приходится терпеть лишь пару раз в месяц. Да и деньги не лишние.

– От Кэрол нет вестей?

³ Прием Хеймлиха – способ спасти от удушья человека, чьи дыхательные пути чем-либо механически закупорены: захват сзади под диафрагму и толчки переплетенными руками в брюшину.

Джулио временно избавляет меня от необходимости отвечать, поставив перед нами джин с тоником. Вопросительно смотрит, мотнув головой в сторону Стеллы.

– Злобная начальница. Мы зовем ее Круэлла⁴, – шепотом поясняю я.

Джулио понимающе подмигивает, дает знак официанту налить мне полный стакан за счет заведения и удаляется на кухню.

Я смотрю на часы, потом на нашу фотографию со дня рождения – вглядываюсь до рези в глазах – и мысленно уплываю в прошлое.

* * *

Другой ресторан. Другая вечеринка. Свечи. *Загадай желание, Бет! Закрой глаза!*

Торт, правда, не розовый, как на фото в рамке. Шоколадный. И форма более замысловатая. Графство Эссекс. Мой тридцатый день рождения. Тогда мы в последний раз виделись с Кэрол. Неужели столько времени прошло?.. Сэм был совсем малышом, Гарри – младенцем. Мы закатали праздник, несмотря на отсутствие денег. Шарик, растяжки. И конечно, итальянская кухня. Мне, однако, не весело, потому что уже почти полночь, а Кэрол все нет.

Рассеянно слушаю, как Адам пытается меня развеселить. Салли утешает:

– Может быть, съемная машина сломалась? Или самолет задержали?

– Она бы позвонила...

Я подхожу к двери и поглядываю на дорогу сквозь щель в жалюзи. Голова раскалывается от ресторанного шума. Жалюзи пыльные, и всякий раз, когда я раздвигаю пластинки для лучшего обзора, поднимается пыль, и у меня першит в горле.

– Надо кому-нибудь позвонить! Ее маме? Или в больницу? Она обещала приехать, Адам!

– Знаю, дорогая, но она едет из Франции. Мало ли что...

– Она обещала...

Пыль щекочет горло.

Салли нарочито бодро объявляет:

– Бет, у нас для тебя сюрприз!

Меня отводят от двери и выносят огромный торт в форме пианино – настоящий шедевр из бисквитного теста и крема. Меня очень трогает забота Салли – я как-то упомянула, что снова хочу брать уроки игры.

Фотографируемся с тортом – я делаю вид, что бью по клавишам, Салли рядом, широко улыбается. Когда фотографию проявили и повесили в рамочку над бабушкиным подержанным пианино, чьи клавиши так и остались пыльными и нетронутыми, я увидела, насколько искусственна наша с Салли радость. Как натянуты улыбки. Как непривычно отмечать нечто важное без Кэрол.

В половине первого я снова дежурю у входной двери и вижу их первая. К ресторану подъезжает блестящий «БМВ» с открытым верхом, аккуратно паркуется – колеса идеально выровнены вплотную к бортику.

За рулем новый мужчина Кэрол – Нед, мы видели его всего пару раз. Высокий и очень улыбчивый. Очевидно, еще и небедный. На мгновение я чувствую прилив радости. Представляю, как они вбегут с извинениями, последуют объятия, поцелуи, шампанское. Сделаем еще одну фотографию с тортом. Однако они не бегут. Сидят в машине. Не суетятся. Не торопятся. Просто сидят.

Потом Кэрол, не зная, что за ней наблюдают, тяжело вздыхает, прежде чем открыть дверцу. Я столько раз вспоминала этот момент – тоже со вздохом. Пыталась найти оправдание.

⁴ Круэлла де Виль – эксцентричная злодейка, впервые появившаяся в диснеевском мультфильме «101 далматинец».

Объяснение. Ошибки быть не могло. Так вздыхают перед экзаменом по вождению или собеседованием. Когда собираются с силами перед чем-то неприятным, но неизбежным.

Поначалу я разозлилась, подумав, что Кэрол зазналась, приехала хвастаться шикарной новой жизнью. Но нет. Все еще хуже...

На пороге Кэрол натягивает улыбку. Несвязно врет про очереди в аэропорту и проблемы с машиной, Нед молча улыбается.

Да ладно, хватит об этом, Кэрол! Лучше посмотри, какой торт! Ух ты! Кто готовил?

Не проходит и двадцати минут, Кэрол жалуется на головную боль. Нед советует выпить аспирин. *Подожди полчаса. Может быть, полегчает.* Отводит ее в сторонку, кажется, уговаривает. Нежно гладит по щеке, пытается поддержать, однако Кэрол мотает головой. Берет пальто.

Мне очень жаль, Бет! Сегодня все наперекосяк! Голова раскалывается – если не прилягу сейчас же, разыграется мигрень.

Вот Кэрол уже в дверях, обещает позвонить, но я по лицу вижу – не позвонит. С ужасом осознаю, что она приехала не похвастаться, а совсем с другой целью. С какой – не знаю...

Неужели *попрощаться*? После всего, что мы пережили, после стольких лет. После того, что мы сделали. А как же наша тайна? А как же клятва?

Почему сейчас? Почему она уходит именно сейчас?

* * *

– Бет, ты чего?

Салли около столика с двумя меню в руках. Я с трудом возвращаюсь в настоящее. Бар «У Джулио». Начальница до сих пор здесь.

– Прости... Ничего... Черт, не знаю.

Я сшибаю рукой вазу, Салли успевает подхватить ее, пока не разлилась вода. Медленно садится, убирает вазу на соседний столик.

– Не вышло? Найти Кэрол.

Я отрицательно мотаю головой, шепотом рассказываю, что испробовала все. Она как сквозь землю провалилась. Никаких следов в соцсетях. О ее матери тоже ничего неизвестно. Я написала всем, кому смогла. В почтовое отделение. Прачечную. Фитнес-клубы. Никто не знает, куда они переехали. Просто исчезли.

– Может быть, у нее все хорошо. Решила забыть прошлое и не хочет...

– ...нас больше видеть.

Я смотрю в лицо Салли и добавляю:

– Прости, вышло резко. – Показываю глазами на Стеллу и поясняю: – Она все еще тут. Нервирует.

Салли разливает вино, следует неловкая пауза, никто из нас не хочет заговаривать первой. Боится сказать не то. Салли выглядит не лучше меня. Тоже измотана.

– Ты плохо спишь, Салли?

– А если начать с Неда? Он ведь большой человек. Недвижимостью занимается... У него наверняка своя компания. Сайт? Профиль на «Линкедине»?

– А фамилия?

– Мэттинс? Мэттлингс? Мэтьюс? Не помню...

Салли качает головой. Кэрол сошлась с Недом незадолго до исчезновения. Она редко встречалась с парнями подолгу, поэтому мы обычно не запоминали фамилии.

Я достаю телефон и нахожу нужную вкладку.

– Только не расстраивайся, ладно? Не слишком красиво с моей стороны... Я всегда думала, что мы ее сами разыщем при желании, но теперь...

Я передаю телефон Салли, она читает, и ее глаза мгновенно сужаются.

– Бет, ты совсем спятила? Частный детектив? – встревоженно шепчет она.

– Послушай, нам необходимо с ней поговорить, пусть скажет, что следует делать!

– Ничего она не будет «делать», Бет! Ты ведь понимаешь.

– Вот пусть и скажет! Больше я ее не побеспокою.

Я молчу, сердце бьется все быстрее.

– Впрочем, есть вероятность, что все само решится...

Начинается стройка. Полицейский звонит в нашу дверь, Адам потрясен. Жизнь рушится.

На секунду ловлю взгляд Салли, потом она с тяжелым вздохом смотрит в потолок, в стол.

Между нами горит свеча, колышется от сквозняка, когда открывается дверь на кухню. Я наблюдаю, как выравнивается огонек, и вспоминаю другое пламя – три тонкие восковые свечи в церкви. Мы зажигали их вместе тем ужасным днем в далеком прошлом. Салли тоже наверняка часто видит их во сне. Не решаюсь спросить. Сейчас мы обе смотрим на свечу – пламя опять вздрагивает, когда официант с большим подносом распахивает кухонную дверь ногой.

Салли вновь тянется к телефону. На этот раз читает внимательней, у нее расширяются зрачки.

– Ты понимаешь, что у частного детектива возникнет много вопросов?

– Что-нибудь придумаю. А оплату поделим. Если у тебя сложно с работой, я возьму основную часть на себя.

Выражение лица Салли меняется, я вижу – что-то скрывает.

Я хорошо ее изучила

– Салли! Что стряслось?

Она делает большой глоток вина. Потом говорит, осторожно выдыхая слово за словом:

– Я потеряла работу, Бет. – Она произносит это удивленно, будто сама впервые слышит. – Эти сволочи меня сократили... Как будто мало неприятностей!

Глава 6

Кэрл, настоящее

Четверг

Не знаю, злиться или грустить. Мошенников пруд пруди! Оказывается, мадам Бувуар такая же провидица, как я. Дар? Не смешите меня!

Зря понадеялась... Элоиза ее расхваливала – она обратилась к мадам Бувуар прошлым Рождеством после смерти матери. Говорила – мадам умеет утешить. Мадам умная и искренняя. Элоизе посоветовали эту Бувуар в спиритуалистической общине. «Кароль, – сказала мне Элоиза, – обязательно сходи! Сразу успокоишься!»

Я поверила.

Зря!

Хорошо еще, что я не назвала настоящего имени. Неда экстрасенсы ужасно нервнируют, поэтому записки я тщательно прячу. Узнает – начнет суетиться, волноваться, отправит к врачу, чтобы я наладила питание...

В больницу я постараюсь больше не попадать. Хватит.

Хотя, по-моему, неважно, используешь ты настоящее имя или вымышленное, если человек, к которому ты обращаешься, искренне хочет добра.

Я сразу заподозрила неладное, когда увидела, где она живет – тесная квартирка на втором этаже, в углу – клетка с волнистым попугайчиком.

И еще насторожили вопросы. Божья птичка прыгала и клевала прутья, а «прорицательница» все спрашивала и спрашивала. А я думала – зачем, если у нее дар? Я пришла за ответами. В конце она заявила, что со мной хочет поговорить бабушка. С маминной стороны.

Долго и путано бормотала про рак и вязание крючком.

Я оплатила визит, но бумажку с предсказанием сразу выкинула. Бабушка никогда не вязала.

Злость берет! Неужели никто не понимает, насколько это важно? Ведь если я не найду человека, который действительно обладает даром, как, черт возьми, мне понять, что делать дальше?

Что ж, надо искать и впредь быть внимательней. Нед вчера чуть не нашел дневник. Представляю, как бы он разволновался! Обычно я надежно его прячу, а тут отвлеклась – эти сообщения меня тревожат, возвращают прошлое, – и оставила на тумбочке у кровати. Боже!

Нед опять уехал на неделю. Сразу после завтрака. Очередная сделка. Я уже не задаю вопросов. Он называет это «оптимизацией», что гораздо благородней звучит, чем «поглощение».

– Очередной разорившийся застройщик, дорогая! – объяснил он мне в аэропорту. – Не бери в голову!

Нед совсем не думает о разорившихся – им каково? А я думаю. Вообще, в последнее время я расстраиваюсь из-за любой мелочи, поэтому Нед больше не посвящает меня в дела.

Его мои слова обидели.

– Не надо их спасать, Кэрл! Звучит жестко, но я не виноват, что они разорились. Люди совершают ошибки и сталкиваются с последствиями – это естественный ход событий.

*Как же хотелось спросить – с какими последствиями столкнемся мы? Бет, Салли и я.
Мы тоже совершили ошибку много лет назад.
Бесполезно спрашивать. Никто не знает.*

Глава 7

Бет, настоящее

– Бет, у меня большая просьба! – шепчет в трубку Салли.

В спальне темно, шторы еще опущены. Я отвожу телефон от уха, чтобы взглянуть на экран.

– Салли, шесть утра!

– Шесть? Разве? Прости, я не думала, что так рано! Плохо соображаю!

– Подожди!

Бросаю взгляд на Адама – тот ворочается во сне, – соскальзываю с кровати и на цыпочках иду в кладовую, которую использую в качестве кабинета.

– Слушаю, Салли! Ты решила? Будешь подавать в суд?

Вновь смотрю на экран, вижу двенадцать сообщений – наверняка от Стеллы-Круэллы. До съемок четыре дня, а у меня не хватает героя.

– Нет, не буду. Мне выплатят компенсацию. Слушай, у тебя найдется немного времени?

– Сегодня? – Я зеваю. Мне нужно найти женщину, которая готова рассказать на камеру о том, как муж изменял ей с няней. К среде! – У меня куча работы, Салли!

– Умоляю! Всего на пару часов! Я заеду, когда ты отправишь детей в школу? Около десяти?

– Ладно.

* * *

Машина Салли с громкой музыкой подъезжает к дому, и я понимаю – дела совсем плохи. Идет дождь, а мерзляка Салли даже не подняла крышу. Не покрашена – чего с ней никогда не бывает, и в рабочей одежде: мешковатом комбинезоне, заляпанном краской. Она недавно красила кухню и разрисовывала стены незатейливыми магнолиями.

– Я же просила одеться похуже! – говорит Салли.

– Я и оделась. Если спросить моего мужа, я только так и одеваюсь.

Салли даже не думает улыбнуться. Никакой реакции. Просто прибавляет звук. Играет Адель. Я люблю Адель, но не оглушительно орущую из машины с открытым верхом у моего дома.

– Чего стряслось-то? Что за тайны, куда мы едем?

Салли будто не слышит. Ведет машину в глубокой задумчивости, почти в трансе. Она потеряла работу, плюс всплыла старая история – вдруг у Салли окончательно сдали нервы?

Мы живем в деревне недалеко от Плимута, где Адам преподает историю в одной из самых больших средних школ. Салли поворачивает в противоположном направлении – к Саут-Хэмсу, затем сворачивает с главной дороги по указателю «Бигбери».

– Мы едем на пляж?

– Что?

– Бигбери! Зачем еще нам в Бигбери?

– Прости! Не слышу!

Салли отстукивает по рулю ритм песни. Джастин Бибер.

– Салли, сделай потише, пожалуйста!

– Что?

Я сдаюсь, машу головой – мол, неважно. На одном из поворотов нам приходится несколько раз пятиться, пропуская встречных водителей, так как обзор закрывает живая изгородь. Я искренне сочувствую местным жителям, а Салли неожиданно сворачивает на тесную стоянку у группы домиков.

Наконец-то выключает радио, выходит из машины, снимает солнечные очки.

– Ну, как тебе?

– Что именно? Я не понимаю. О чем ты говоришь?

– О домах!

Салли продирается через крапиву к ближайшему, футах в двадцати от дороги. Мотает головой, чтобы я следовала за ней.

Перед нами стоят в ряд четыре обветшавших дома. Окна в основном побиты, кое-где заколочены. Домики маленькие, с соломенными крышами, могли бы быть довольно милыми, похожими на игрушечные, но в данный момент совершенно непригодны для жизни.

– Ну как? – повторяет Салли.

– Не понимаю, о чем ты.

– Разве они не прекрасны?

Я снова смотрю на домики и пытаюсь понять, что, черт возьми, происходит.

– Ну, могли бы быть довольно хорошенькими, наверное, только очень много работы. А что?

– Я их купила, Бет! Все четыре!

Салли нарочно отводит взгляд, чтобы не видеть моей первой реакции, и начинает продирается сквозь крапиву и ежевику к задним дверям.

Я следую за ней, сожалея, что не приняла совет про старую одежду всерьез.

– Купила?.. Ты только что потеряла работу, Салли! Как? На какие деньги?

– Набралось – пособие по увольнению, наследство от отца. Прекрасное вложение, правда?

Сзади дома выглядят еще хуже. Маленькие садики с полуразрушенными туалетами. В крышах дыры, я даже боюсь представить, как постоянные осадки отразились на внутренней отделке.

Салли, которая живет в центре Плимута в квартире, отделанной на заказ, со специальным холодильником для вина и двумя ванными, не иначе как с ума сошла! Или опять начала пить, как в то ужасное время после потери ребенка? Разумеется, если бы цены на недвижимость росли, это была бы выгодная покупка, но сейчас ситуация на рынке слишком нестабильная. Правила ужесточаются – покупать для сдачи занятие не для слаонервных.

– Пойдем! Зайти можно отсюда. У меня есть ключ, хотя, честно говоря, он и не нужен.

Салли отдвигает болтающуюся дверь в средний дом и, убирая с дороги паутину, продвигается внутрь.

– Почему бродяги не поселились? – удивляюсь я. – Имели полную возможность...

Пробираюсь сквозь паутину вслед за подругой и понимаю причину. Из-за протекающей крыши прогнил пол, и стоит запах – до боли знакомый.

– Фу, ну и вонь! Совсем как...

– ...в школе, – улыбается Салли. – Запах уйдет, когда мы починим крышу. – Она хлопает рукой по стене. – Настоящий камень!

– Кто «мы»?

– Я договорилась с бывшим хозяином, он поможет с основной работой.

Салли ведет меня сквозь кухню в гостиную.

– Смотри! Настоящая хлебная печь! Чудом не стащили, видишь? – Салли стирает толстый слой пыли с печи, притаившейся в глубине камина. – В остальных домах каминны заму-

рованы. Там давным-давно налепили эти ужасные электрокамины. Впрочем, очаги наверняка остались, нужно только убрать кладку.

Салли рассуждает, будто и правда разбирается в вопросе. Что странно. Ну хорошо, она земельный инспектор и кое-что знает о недвижимости. Однако ей и в голову не приходило заниматься благоустройством самой – тем более старинных построек. Она специализировалась на квартирах, купленных для сдачи, и комнатах в студенческих общежитиях. Современные дома, четкие условия аренды.

– А почему хозяин продает? Я не понимаю.

– Залез в долги. По уши. Денежных поступлений сейчас нет, пришлось отказаться от этих домов ради пары новых больших проектов.

Рассказывая, Салли взбирается на подоконник и сидит, болтая ногами.

– Салли, ты, как никто другой, понимаешь, что сейчас творится с ценами...

– Вот именно! Только поэтому я и потянула покупку. Будь рынок постабильней, не видать мне домов. Владелец хотел выставить их на аукцион, но я услышала по сарафанному радио и внесла залог наличными.

Салли улыбается от уха до уха.

– Ты потратишь все наследство! На ремонт нужно целое состояние! И потом – соломенные крыши ни один агент не застрахует! Сколько...

– Ох, Бет! – качает головой Салли. – Не волнуйся. Порадуйся за меня. Пожалуйста!

Я пытаюсь натянуть улыбку, однако Салли права – я волнуюсь. Очень. Представляю, как сгорает выплата по увольнению. Накопления. Наследство. Прикидываю, как убедить Адама отдать мастерскую под жилье для несчастной подруги. Разорившейся. Бездомной.

Салли пользуется паузой и спрыгивает с подоконника.

– Пошли на улицу! С задних дворов видно море! Только посмотри! Разве не прелесть, Бет?

Мы заворачиваем за угол каменной пристройки. Тут я вижу его. Не море, а дерево. Очень красивую магнолию. Ее не видно с дороги.

Теперь все понятно, страхи и неодобрение растворяются. Представляю, как Салли смотрит домики просто от нечего делать. Шутки ради – развлечься, побаловать себя. И вдруг видит магнолию и думает – это судьба.

В голове проносятся тысячи картинок – Салли с моими мальчишками. Я думаю, сколько любви и радости она им дарит. Это Салли купила Сэму на трехлетие «подушку-пердушку». А на шестилетие Гарри заявила с билетами на концерт его любимой группы. Я возражала, что он слишком мал и громкие звуки повредят слух, а она сказала – расслабься!

Вспоминаю, как мне позвонили из магазина, когда Салли поймали с краденым. Она спрятала в сумку детские ползунки. Через три недели после выкидыша. Слава богу, у охранника оказались семья и доброе сердце. Салли отпустили...

Она была бы прекрасной матерью. Лучше меня.

Смотрю на домики, потом снова на магнолию. Щиплет глаза, я вру себе, что от ветра.

– Прекрасная идея, Салли. Правда!

Ложь. Но ей нужно отвлечься, разве она не заслужила? Заняться чем-то, чтобы отогнать призраки прошлого, которые снова нас преследуют.

Свечи. Девочка с посиневшими губами.

– Ты мне можешь? Все спланировать?..

Я киваю, вслед за Салли смотрю на море – белые барашки волн с шумом разбиваются о берег, словно аплодируя смелости моей подруги.

Глава 8

Мэтью, настоящее

Мэтью Хилл наклоняется к окну и раздвигает пальцами две пластинки голубовато-зеленых жалюзи – чуть-чуть, чтобы видеть, но оставаться невидимым самому. На другой стороне улицы женщина в длинном пальто поглядывает то на часы, то на его окно.

Он выдерживает паузу и снова подглядывает в щель – женщины уже нет. Значит, это не новая клиентка. Слегка странная Бет Картер, которая звонила вчера, несла что-то несвязное визгливым голосом, явно очень нервничала и недоговаривала.

Мэтью хмурится, взглянув на часы, откидывается на спинку стула и начинает нервно постукивать ногой. Бет Картер опаздывает на десять минут. Не факт, что вообще придет. Поразительно, как беззастенчиво люди тратят чужое время.

Мэтью ушел из полиции два года назад и до сих пор ежедневно спрашивает себя – прикинет ли он когда-нибудь к новой работе. Он наивно полагал, что частные детективы сами выбирают себе дела – интересные берут, от неприятных отказываются. Не тут-то было!

И без того плачевное состояние усугубляется отсутствием гарантии занятости и оклада. Большую часть рабочей недели он следит за неверными супругами, пытаясь раздобыть фото с доказательствами измен – унижительно до последней степени, и как он до этого опустил?

Помимо Бет Картер, вчера звонил некий Иан Эллис – аж три раза. Его якобы преследуют карлики с целью похищения. *Лилитуты, понимаете? Вы возьметесь за дело?*

Нет, извините. Никак не могу.

Текущая деятельность подтвердила то, что Мэтью понял и раньше – очень много полубезумных людей живут сами по себе, не получая необходимой помощи. Печально, конечно, но он не социальный работник и не обязан ими заниматься.

Жужжит домофон, и Мэтью вздрагивает – он уже не ждал Бет Картер. Смотрит на часы и спешит к двери, на ходу приглаживая волосы ладонью.

– Это Бет Картер. Простите, я опоздала! – трещит в домофоне.

Мэтью щурится и думает – она ли маячила под окнами.

– Не страшно! Поднимайтесь.

Лестница в доме Мэтью очень крутая. Довольно опасная. Однажды кто-нибудь навернется и подаст на него в суд. Мэтью ждет на пороге и, когда Бет Картер появляется в дверях, с облегчением вздыхает.

– Всегда волнуюсь за ступеньки. Надо бы повесить предостерегающий знак...

Жмет руку клиентки, не забывая вежливо улыбнуться. Да, та самая женщина. Нервничает, поправляет на плече сумочку.

– Позвольте взять пальто?

– Нет, спасибо, я так...

Мэтью приглашает пройти, с удовольствием подмечая удивление на лице гостьи. Бет Картер обводит комнату глазами. Да, Мэтью неплохо обставил офис. Поездки в «Икею» и долгие поиски в интернет-магазинах были не напрасны, Мэтью доволен результатом. Стеллажи и стол из нержавеющей стали, стулья цвета морской волны сочетаются с жалюзи, на стенах огромные репродукции в стиле ар-деко в буквых рамах. Любимчики Мэтью – две картотеки с диагональными ножками на круглых опорах, напоминающие маленьких роботов. Хорошо, что никто не знает, как мало в этих картотеках дел...

– Ух ты! Уютно.

– Ожидали другого? – улыбается Мэтью. – Многие так говорят. Я хотел, чтобы клиенты сразу чувствовали себя спокойно. А то насмотрятся детективов и ожидают потрепанного субъекта за старым столом, заваленным окурками.

Пауза. Женщина крутит пуговицу плаща. Мэтью ждет. Когда он работал в полиции, всегда вел разговор сам, опрашивая свидетелей. Теперь же предпочитает подождать, пока начнет клиент, присмотреться, понаблюдать, попытаться определить истинную цель визита.

– Я волновалась... Даже передумала два раза. Почти ушла, но потом решила, что это ужасно невежливо и нелепо, и вернулась...

Она краснеет и говорит быстро, совсем как по телефону.

Клиентка начинает ему нравиться – по крайней мере, честная.

– Люди, как правило, не знают, чего ждать от частного детектива.

– Да! И потом, это непросто – посвятить чужого человека... – Крутит пуговицу.

– Итак, ваша пропавшая подруга. Вы сказали по телефону, что она исчезла... почти десять лет назад?..

– Она не «пропавшая». Не совсем. Я не сказала – пропавшая. Просто мы потеряли контакт, а нам сейчас необходимо с ней связаться.

– Необходимо? – Мэтью делает многозначительную паузу. – Почему?

Замечает, что у Бет Картер забегали глаза, и поспешно сдает позиции.

– Простите, даже кофе вам не предложил! Выпьете чашечку, а потом поговорим, ладно?

У меня неплохая кофемашинка.

Бет Картер глубоко вздыхает, и ее лицо слегка смягчается.

– Запах и правда приятный. Я обожаю хороший кофе. Не откажусь, спасибо!

Затем озадаченно обводит комнату глазами.

– Она там, – поясняет Мэтью, кивая на дверь в дальнем конце офиса.

Идет на кухню и по дороге расписывает, какой он сам кофеман. Говорит громко, чтобы его было слышно в офисе. Рассказывает, что открыл для себя новый сорт зерен, а также предлагает оценить его собственную смесь. Дверь приоткрыта ровно настолько, чтобы он мог наблюдать за клиенткой. Она не подозревает, что на нее смотрят, переминается с ноги на ногу, затем все-таки снимает плащ. Хорошо, постепенно успокаивается. Когда он возвращается с двумя чашками кофе и кувшинчиком взбитого молока, клиентка уже улыбается.

– Я никому не сказала, куда иду. Меня бы не поняли.

– Почему?

– Ну, это довольно странно. Наверное, даже нелепо – нанимать частного детектива, чтобы связаться с подругой.

Хорошо, что она сама это сказала.

– Если честно, я тоже слегка удивлен. Для поиска старых друзей есть социальные сети, разве нет? Вы говорили по телефону, что испробовали все общедоступные способы.

– Да, и даже некоторые не общедоступные. Я работаю на телевидении, кого угодно могу разыскать. Я все испробовала, все свои уловки. Вы ведь раньше в полиции работали? На сайте написано... Я надеялась на ваши связи.

– У вашей подруги есть судимость?

– Нет, что вы! Я не то имела в виду! Я просто подумала, что вы знаете, как поступать в подобных случаях. Когда поиски заходят в тупик...

Бет делает глоток кофе.

– Вы правда работали в полиции? Если не секрет, почему ушли, мистер Хилл?

– Мэтью! – поправляет он и добавляет: – Так получилось. А вы принесли фотографии и заметки, о которых я просил по телефону?

Он тоже умеет переводить тему – не хуже Бет Картер.

Она какое-то время смотрит ему в глаза, затем протягивает стопку записей и фотографий.

Кэрол Уинтерс. Возраст – 38 лет. Единственный ребенок в семье. Высокая, натуральная блондинка. Эффектная внешность Художник-фрилансер. Мать – Дебора, живет в Брайтоне (адрес указан ниже). Сама Кэрол переехала много лет назад, адрес неизвестен. Отец – Саймон. Умер, когда она была маленькой. Автомобильная авария. Бойфренд Нед (фамилии, к сожалению, не знаю), работает на рынке недвижимости в международной компании (название тоже не знаю). Жили во Франции. Много путешествовали. Останавливались в отелях и съемных квартирах. Насколько известно – обеспечены. Счастливая семья. Дорогие машины, поездки и так далее.

Мэтью просматривает фотографии – он всегда просит принести побольше фото из разных периодов жизни; Бет Картер предупредила по телефону, что ранние снимки сделаны пленочным фотоаппаратом. Глядя на Кэрол, он не может сдержать реакцию.

– Красотка, правда? – лукаво спрашивает Бет.

Мэтью, к своему стыду, слегка краснеет и переходит к более свежим фотографиям – где-то десятилетней давности, затем возвращается к школьным.

– Напомните мне, пожалуйста. Почему вы ее разыскиваете?

– Школу, где мы учились, закрывают. Будут сносить. Намечается праздник для выпускниц, но это не рядовая встреча. Конец эпохи! Последний шанс увидеть школу перед сносом.

– Это все? Больше причин нет?

Мэтью еще раз пролистывает школьные снимки и выкладывает три из них на стол для сравнения. Затем берет среднюю и показывает Бет Картер. Он кое-что заметил. Он не всегда может объяснить, чем руководствуется, однако привык доверять чутью.

– Вот. Я бы сказал, перемена произошла здесь. Что-то случилось. Верно?

Бет потрясенно молчит. Ставит кофе на стол и дышит через нос, будто оскорблена, или взволнована, или и то и другое.

– Наркотики? – продолжает он. – Послушайте, я не хочу лезть не в свое дело, но чем больше информации, тем больше шансов на успех.

Мэтью возвращает фотографию на стол и указывает пальцем на лицо Кэрол.

– С этого момента у нее поменялись глаза, осанка – весь образ. На последующих фотографиях она выглядит иначе. Взгляд другой. Так в чем же причина? Наркотики? Самоповреждение? Может быть, анорексия?

– Ничего подобного!

– Ну да, вы были близки, знали бы...

– Да, мы были очень близки!

– Контакт, тем не менее, потеряли...

Мэтью внимательно изучает Бет Картер – нужно показать ей, что его не проведешь, но не спугнуть при этом. С клиентами последнее время туго. От этого дела точно нельзя отказываться, однако женщина явно что-то утаивает. Он еще по телефонному разговору понял. Пусть хотя бы знает, что он ее раскусил.

Он продолжает пролистывать фотографии, попадается открытка. Такие продают в сувенирных магазинах на выходе из музеев – репродукция странной мрачноватой картины. Три девушки в полупрозрачных ночных рубашках, похожие на привидения, склонились к растению – кажется, цветку.

– Ох, боже мой! Закладка случайно попала! Извините! – Бет Картер, густо покраснев, практически вырывает открытку из рук.

Мэтью наблюдает, как посетительница прячет открытку в сумочку – кладет во внутренний карман, аккуратно застегивает молнию. Значит, большая ценность. Почему?

– Ну хорошо! – Мэтью собирает фотографии в стопку и ударяет ею по столу, выровнивая края. – Цифровые фото вы мне выслали. Сейчас отсканирую старые снимки и кое-что набросаю.

Далее стандартные вопросы про мать Кэрол – Дебору. Надо развить зацепку с Брайтоном – самый жизнеспособный вариант, учитывая информацию, которую Бет накопила сама. Бет рассказывает, что мать Кэрол одержима игрой в бинго, Мэтью одобрительно кивает. Бет говорит – в детстве их всегда забавляло ее увлечение.

Затем неловкий момент – эта часть разговора до сих пор дается Мэтью нелегко. Он отъезжает от стола, достает из ящика соглашение и протягивает гостю.

– Так, значит, мама – наша основная зацепка. Я сделаю пару звонков, но первоначальный этап розыска вы уже провели, так что, сдастся мне, поеду в Брайтон. Найду мать, найду и подругу. Если, как вы утверждаете, они обе не оставляют никаких следов в интернете, единственный путь что-то разузнать – поехать. Если только у вас нет более полной информации про бойфренда.

Бет смотрит на ценник.

– Как видите, у меня посуточная оплата. Я составляю подробный почасовой отчет о работе. Указываю стоимость перемещений и прочие траты. Вы готовы начать сотрудничество?

Мэтью уже много раз попусту тратил время и понимает, как важно с самого начала ознакомить клиента с ценами и добиться от него внятного согласия. Ему теперь надо зарабатывать на жизнь.

Бет озадачена.

– Дороже, чем вы ожидали? Уверяю, у меня не самые высокие расценки.

– Не в этом дело... – Бет смотрит на часы. – Поездку в Брайтон мы оплатим, насчет дальнейших трат посоветуемся.

– Кто «мы»?

– Я и моя подруга Салли. Я упоминала ее по телефону – третья девочка на фотографиях. Она снова смотрит на время, словно не поняла, который час, с первого раза.

– Ох... Прошу прощения, мне нужно бежать в школу за мальчишками. Пора!

Знакомое чувство – как удар под дых. С ним всегда так.

Ох уж эти мамочки с сыновьями!

– У вас мальчики?

– Да, два сына. Одиннадцать и восемь – то есть почти девять. Сегодня как раз устраиваю праздник!

Бет с материнской гордостью достает из сумочки телефон и показывает экран, где, высунув языки, позируют два мальчика.

– Не соскучишься. Маленькие разбойники...

Мэтью мельком смотрит на фото и вдруг резко опускает глаза в пол. Одна из веснушчатых мордашек кажется до боли знакомой. Он зажмуривается и пытается взять себя в руки, чтобы не показаться странным новой клиентке – не выходит, он чуть дольше, чем нужно, не открывает глаз. Несмотря на все старания, перед ним упрямо встает лицо другого мальчика – из прошлого.

А также его матери, голос которой по сей день звучит в голове – крик в зале суда: «Надеюсь, вы никогда не сможете спать спокойно!»

– Что с вами, мистер Хилл? То есть Мэтью...

– Ничего, все хорошо!

Пока он сидел с закрытыми глазами, чашка накренилась, и кофе коричневой стружкой стекает на дощатый пол. *Черт возьми!*

– Посмотрите только! Вот я растяпа!

Мэтью кидается к книжному шкафу, достает салфетки и вытирает лужу под пристальным удивленным взглядом Бет.

Затем раскладывает старые снимки на столе и фотографирует на телефон, пользуясь случаем, чтобы отвернуться. Он не торопится, делает все аккуратно, чтобы выиграть время, успокоиться, прежде чем вернуть снимки владелице и попрощаться до следующей встречи. Однако он все еще не в себе. Фотография ее сына совершенно выбила Мэтью из колеи... Бет торопливо собирает вещи, и они прощаются. Сердце Мэтью отчаянно колотится.

Глава 9

Бет, настоящее

Я за углом офиса Мэтью Хилла, сижу в машине в совершенной прострации. Смотрю на прохожих, стараюсь зацепиться за реальность. Женщина ведет на поводке бело-рыжего джека-рассела. Тот упирается, потом и вовсе садится на землю. *Нетушки, дальше не пойду! С меня довольно!*

Смотрю на часы. Офис Мэтью в пригороде Эксетера. До окончания уроков час. В принципе, времени достаточно, если не попасть в пробку, чего я никогда не исключаю. Снова смотрю на пса – тот по-прежнему неподвижен, хозяйка в растерянности. Пора бы встряхнуться и поехать, но мне необходимо взять паузу, посидеть в тишине и понять, что же, черт возьми, произошло. Я, Бет Картер, только что наняла частного детектива, что само по себе невероятно. Еще этот странный эпизод в конце. Пролитый кофе. Сыщик Мэтью Хилл странно отреагировал на фотографию мальчиков. Выпроводил меня из офиса. Что за ерунда?

Женщина наконец справляется с джек-расселом, а я понимаю, как пристально на нее смотрела. Отворачиваюсь, вытаскиваю из сумочки открытку. Рассматриваю в мельчайших деталях, и из груди вырывается вздох. Она уже истерлась и немного помялась – моя репродукция картины Уистлера⁵, но я по-прежнему повсюду таскаю ее с собой – прячу в сумочку или вкладываю в книгу, в отличие от Салли, которая вставила свой экземпляр в рамку и хранит на туалетном столике.

Я смотрю на репродукцию и думаю о ней – о Кэрол. Какой она была раньше. Это она тогда заметила Уистлера, за полчаса до отъезда из галереи Тейт. Второй год обучения, школьная экскурсия. Помню, монахиня, которая отвечала за группу, была близка к нервному срыву. *Девочки, не копайтесь! Автобус ждать не будет! Все на улицу! Десять минут до выхода!* Кто-то бродил по сувенирному магазину, кто-то стоял в очереди в туалет. Обычная суета, как бывает в конце экскурсии.

Кэрол шла впереди, она увидела открытку и стояла, как замороженная, пока мы не подошли. *Только взгляни, Бет! Это же мы!* Она говорила благоговейным шепотом, как в церкви – так мы впервые увидели нашего Уистлера. Я почувствовала себя маленькой и уязвимой в присутствии чего-то великого. Будто эхо времен зазвучало вокруг, словно в разговор вступили высшие силы. Я была практически уверена, что картина долгие века ждала именно нас. *«Три фигуры: розовый и серый»*. На картине были изображены три прекрасные девушки в саду, цвета картины – все оттенки розового и серого.

Как наши одеяла, Бет! Боже мой! Смотри – наши цвета. Розовый и серый. Это же мы!..

На стенде было написано, что репродукции доступны в виде открыток, а также постеров большего размера. Какое-то время мы втроем просто не сходили с места, утратив дар речи – нам казалось, что Уистлер много лет назад написал эту картину специально для нас. Изобразил нашу мечту. Девушки на картине выглядели счастливыми – грациозными и умиротворенными.

Нам сказали, что оригинал картины не всегда выставляется в галерее, а репродукции, как правило, есть в продаже. Постеры были нам не по карману, зато продавщица разыскала три одинаковые глянцевые открытки, и мы бежали к автобусу, сжимая в руках сувенирные пакетики, словно самую большую драгоценность в мире.

Наша собственная картина. Бет, Салли и Кэрол. Три фигуры: розовый и серый.

⁵ Джеймс Эббот МакНилл Уистлер (1834–1903) – американско-европейский художник, один из первых представителей символизма в живописи и графике.

Я в последний раз бросаю взгляд в сторону офиса Мэтью Хилла и думаю – что же я натворила? Поворачиваю ключ зажигания, аккуратно прячу открытку с репродукцией Уистлера в сумочку и достаю телефон, чтобы позвонить Салли.

Она берет трубку; я слышу рокоочущий звук, похожий на гром.

– Бет, это ты? Прости, я на объекте. Стены долбят. Ад кромешный! Я перезвоню, ладно?

– Конечно. Я на минутку. Просто хотела сказать – я была у него, у детектива.

Снова рокот. Затем ответ.

– Хорошо. Ладно. Боже мой... Расспрашивал?

– Конечно, расспрашивал. Он цепкий. Думаю, это неплохо – значит, справится.

– А он ничего не заподозрил? Не слишком напирал?

– Не знаю. Вроде не заподозрил.

– Вроде? Ты не уверена? – с тревогой спрашивает Салли.

– Не волнуйся! Правда. Он хороший специалист. Думаю, не злой человек. Мы платим ему, так что он будет делать то, что мы попросим. Я тебе перезвоню!

Я чуть было не добавляю, что детектив на удивление привлекателен. Потрясающе красивые глаза. Сдерживаю порыв – что еще за глупости?

Салли отключается, я пристегиваюсь и продолжаю задаваться вопросами. Мэтью Хилл на редкость проницателен и настоящий профессионал. Почему ушел из полиции? Почему так странно отреагировал на фотографию мальчиков? Однако больше всего меня мучает вопрос – наберусь ли я храбрости поведать Салли, что наш детектив сразу же заметил перемену в глазах Кэрл?

Мы с Салли наивно полагали, что перемена видна лишь нам.

Глава 10

Бет, прошлое

Опасения подтвердились – мне ужасно не хватало мамы. Я до боли скучала по ней, особенно поначалу. Лежа в постели, обхватывала себя руками и представляла, что это мама меня обнимает, как в детстве, а порой, когда гасили свет, доставала маленький голубой фонарик из прикроватной тумбочки и перечитывала мамины письма во мраке спальни до тех пор, пока не заучивала их наизусть, словно мамин голос звучал в моей голове, успокаивал, убаюкивал.

Я была поражена – даже не тем, насколько я ее любила (это и так было понятно), а тем, насколько *нуждалась* в ней. Когда тебе двенадцать, мама – колючее шерстяное одеяло. Оно греет, но часто раздражает, сковывает движения. Однако если его убрать... Я и представить не могла, какими холодными бывают ночи...

Мы – Салли, Кэрл и я – в полной мере испытали эту тоску, потому что привыкли к материнской ласке и заботе, и удивлялись, глядя, как других девочек провожают в школу не родители, а няни, экономки, а иногда водители.

Сначала мы даже немного завидовали, однако недолго, так как этим девочкам часто приходилось оставаться в школе на каникулы, потому что их папы и мамы были слишком заняты. У них были необычные профессии и насыщенная жизнь. Монахини как могли окружали бедняжек заботой. Сестра Вероника была особенно добра, в хорошую погоду устраивала долгие прогулки, а в дождливые дни – «охоту за сокровищами». Были походы в кино и в театр, девочек не гнали спать, разрешали смотреть фильмы и шоу «Вершина популярности», причем не в детской комнате, а в гостиной монахинь, где стояли кресла с высокой спинкой и расшитые подставочки для ног.

И все же, несмотря на привилегии и развлечения, они с грустью смотрели на нас, когда мы возвращались из дома, провожаемые рыдающими мамами.

Помню, Жаклин Прир всегда, как призрак, маячила в окне спальни, выходящей на главный подъезд. Она не включала свет, просто стояла в окне, еле видная в ранних сумерках, и ее лицо ничего не выражало. Ходили слухи, что Жаклин самая богатая в школе. У нее было все, о чем мы мечтали – пони, деньги на одежду и кредит в местном салоне красоты. Она одевалась по последней моде, носила сережки с настоящими бриллиантами, но я не встречала глаз грустнее, чем у нее.

На третьем году обучения Жаклин перевели в нам в спальню, и как-то ночью мы услышали, как она плачет. Мы постарались ее успокоить, но она пришла в дикую ярость, вцепилась нам в волосы и швырялась вещами – полетели расчески и туалетные принадлежности, разбился об пол флакон с духами. Я хотела собрать осколки, однако Жаклин, пристально глядя на меня, принялась нарочно ходить по стеклу; в конце концов ее увели монахини, она рыдала, размахивала руками и оставляла кровавые следы на полу.

Мы увидели ее только утром, за завтраком, она прихрамывала, на забинтованную ногу был надет ботинок большего размера. Смотрела зло и недоверчиво красными опухшими глазами.

Жаклин никогда не забирали на праздники, она повсюду ездила с монахинями – катание на лыжах в Рождество, «тур по музеям» в Италии на Пасху. Говорили, отец Жаклин работает послом, он очень богат и чрезвычайно щедр.

По всей школе висели таблички с выгравированными надписями «Пожертвовано лордом Приром» или «При участии лорда Прира». Мама Жаклин, судя по фотографии в рамочке на

прикроватном столике, была редкой красавицей, она походила на кинозвезду в бледно-розовом бальном платье. Вживую мы ее не видели.

Мы старались проявлять к Жаклин внимание, потом приучились держаться от нее подальше, «не лезть не в свое дело», как она выражалась.

Однажды ночью во время третьего года обучения я невольно стала свидетельницей страшной сцены. Ночь выдалась жаркая, душная, мне, против обыкновения, не спалось. Я долго ворочалась с боку на бок, считала овец, по очереди расслабляла каждую мышцу, как учили на танцевальных занятиях. Ничего не помогало.

Около полуночи я решила сходить в ванную за водой и достала из тумбочки пластиковый стаканчик.

Накинула халат, на цыпочках выскользнула из спальни, стараясь никого не разбудить. В длинном коридоре стояла тишина, горели ночники. Над дверью ванной комнаты было довольно большое окно, и, опять же, чтобы никого не разбудить, я не стала включать свет, решив, что света, проникающего из коридора, будет достаточно. В нашей ванной были три туалетные кабинки, ряд умывальников на противоположной стене, а в дальнем углу – ванна, огороженная занавеской. Занавеска должна была обеспечить уединенность, но, по сути, была не нужна, так как многие девочки запирали входную дверь, когда наступала их очередь мыться.

Прежде чем набрать воды, я зашла в туалет и как раз собиралась нажать на кнопку слива, когда услышала шум. Одна в полумраке я затрепетала с ног до головы. На мгновение будто окаменела. Шум повторился. *О нет! Здесь чужой!* Я лихорадочно перебирала варианты дальнейших действий. Побежать? Остаться в запертой кабинке и звать на помощь? Что опасней? Я не могла выбрать, стояла на месте, а сердце стучало все сильнее. Затем до меня снова донеслись звуки, и на этот раз у меня засосало под ложечкой. Нет. Это не грабитель. Звук был похож на стон. Так стонут от боли.

Я очень медленно вышла из кабинки и направилась к ванне в дальнем углу – за занавеской виднелась тень. Женщины или девочки, как мне показалось. Я различила длинные волосы. Осторожно отодвинула занавеску и увидела ее – Жаклин Прир. В ванной. Всю в крови. Кровь была повсюду. Стекала по рукам. Пропитывала ночную рубашку. Слипшиеся от крови волосы. Красные брызги на кафельной стене.

Дальнейшее помню смутно. Должно быть, я успела закричать, прежде чем лишилась чувств. Очнулась на полу, а надо мной склонились две монахини. Я почему-то подумала не о Жаклин, а о том, как странно видеть их с непокрытыми головами – длинные седые косы падали на спины. Я была уверена, что старшие монахини, которые одеваются по всем правилам, бреют головы. Оказалось, нет.

Я дрожала, у меня подгибались ноги. Монахини отвели меня в свою гостиную, напоили сладким чаем, позвонили родителям. Уложили на диван и велели отдыхать, пока папа меня не заберет. Впрочем, об отдыхе не было и речи, я места себе не находила. Слышала, как приехала «Скорая», как монахини успокаивали девочек, говорили – ничего страшного не случилось, что, разумеется, было неправдой.

Папа приехал рано утром – серый лицом от волнения. Мне было разрешено оставаться дома, пока я не оправлюсь от шока. Мама окружала меня особой заботой, кормила пирожками, утешала и поддерживала, однако вдали от места происшествия я чувствовала себя еще хуже и через неделю попросилась обратно в школу. Мне нужны были подруги. Нужно было снова увидеть ту страшную ванную комнату – воспоминание было настолько ужасным, что мучало меня еще больше, пока я избегала встречи с ним. Мне сказали, что я спасла Жаклин жизнь. Еще немного, и она умерла бы от потери крови. Нам не рассказывали подробности. В молитвах полагалось упоминать «случай с Жаклин», хотя все знали, что она вскрыла себе вены. В школу Жаклин больше не вернулась.

Зато в школу вызвали рабочих и произвели самое большое усовершенствование за все время моего обучения. Ванну убрали и заменили двумя душевыми кабинками с раздвижными дверями.

Мне стало немного легче, однако я все равно избегала той ванной комнаты, всегда ждала, когда освободится другая, лишь бы не вспоминать «случай с Жаклин». Я думала – страшнее ничего не будет. Страшнее, чем случайно найти Жаклин в ванной. В крови. Какая я была наивная... Как сильно ошибалась...

Меня ждало еще одно горе и лужа крови на полу. Еще одна девочка с посиневшими губами, которой не суждено было выжить.

Глава 11

Бет, настоящее

Проходит неделя, на работе полный завал, ничего не успеваю. Круэлла ежечасно шлет сообщения, и вдруг приятный сюрприз – звонит Мэтью Хилл с новостями о матери Кэрол.

– Серьезно? Уже нашли?

– Да. Бинго!

– В каком смысле? – Я отъезжаю от рабочего стола.

– В самом прямом. Вы были правы – мать Кэрол покинула Брайтон много лет назад. Адреса не оставила. Как и дочь, никак не проявляется в социальных сетях, что в наше время редкость. Я приехал в Брайтон и начал расследование с бинго. Зашел в два клуба, второй оказался нужным. Она играла каждую среду. Никогда не пропускала и всем говорила, что играет только вживую. А теперь самое главное: девушка-секретарь вспомнила, что мать Кэрол знавала адрес игрального клуба в Медфорде.

– Значит, она переехала туда?

– Точно не знаю. В списках избирателей и телефонном справочнике Кента ее нет. Я решил посоветоваться, прежде чем предпринимать дальнейшие действия. Готов спорить, что мама Кэрол не будет изменять привычкам. Бинго по средам никуда не денется. Эту версию стоит проверить, особенно если дама не любитель играть в интернете. Привычка – вторая натура. Я справился о ней в клубе Медфорда под благовидным предлогом, однако они не разглашают личную информацию. В общем, я полон надежды. Вы одобряете мою поездку в Кент? И знаете ли вы ее девичью фамилию?

Слышно, как он отхлебывает кофе. Я откидываюсь на стуле. *Кент.*

– Нет, ее девичей фамилии я, к сожалению, не знаю. Я перезвоню, мне нужно подумать.

Сразу же набираю Салли. Она пытается уйти от темы, жалуется, что ей построили кирпичную стену, чтобы овцы не заходили на внутренний двор, и кусок стены зашел на чужую территорию. Цемент еще не до конца застыл, и она как безумная сама разбирает кирпичи, потому что бригадир на звонки не отвечает, а все рабочие куда-то испарились.

Судя по звуку, Салли швыряет очередной кирпич на землю и только потом удосуживается ответить:

– Нет, Бет! В Кент я не поеду! Ни за что! Это же совсем рядом с Сассексом! Ты обязательно решишь, что нужно заехать в школу, а ехать в школу я категорически не готова. Честное слово!

– Салли, прошу тебя! В школу не поедем! В этот раз точно. Обещаю! Просто съездим в Кент. С одной ночевкой. Ну пожалуйста!

– Слушай, мы ведь наняли этого... как его... Мэтью для таких случаев! Нам-то зачем ехать? Только зря время тратить.

– Мэтью говорит – не зря, и потом – у меня просто нет сил ждать. Пожалуйста, Салли. Подумай, если Мэтью разыщет маму Кэрол, мы сможем сразу же с ней поговорить!

– Он правда считает, что Дебора там?

– Его версия звучит правдоподобно.

Салли тяжело вздыхает, швыряет еще один кирпич.

– Ладно уж... Только на одну ночь! Перезвони вечером, все обсудим. Слушай, а ты мне не сможешь разобрать стену?

– Прости, я занята.

Звоню Мэтью, тот слегка растерян.

– Вы хотите поехать со мной? Зачем? – Я молчу. – Нет. Это не в моих правилах. Результата может не быть. Вам все равно придется оплачивать, вы понимаете?

Я вру, что мне нужно еще кое с кем встретиться в тех местах. Говорю, что он будет делать свою работу, как привык, а если мама Кэрол найдется, мы сможем сразу же с ней поговорить. Убьем двух зайцев за одну поездку. Стоит попробовать. Мэтью явно не в восторге, повторяет, что это не в его правилах, он бы не советовал. Мы долго спорим, но я не теряю решимости. В конце концов он уступает, подразумевая, что мы поедем вместе на поезде. Мне и этого мало, я настаиваю, что отвезу всех на машине, чтобы сэкономить деньги. Выбираю гостиницу, прошу скидку на том основании, что мы регулярно селим гостей передачи «Откровенный разговор» в этой сети. Обещаю, что заплачу обещанный гонорар и возьму на себя все расходы. Мы заплатим за услуги при любом исходе дела. Он соглашается, хоть и неохотно.

Следующие несколько дней извлекаю на свет все коробки со старыми фотографиями, которые я пока не собралась разобрать по альбомам. Мэтью настаивает, что в бинго-клуб отправится именно он, и ему понадобится вмятая фотография матери Кэрол, чтобы показать сотрудникам и посетителям. На большинстве снимков мы с родителями во время их посещений – на концерте или еще где-то. Однако попадаются фотографии, сделанные во время каникул; к третьему году мы начали ездить друг к другу в гости. Домочадцы поначалу пытались протестовать – *вы разве не наобидались в школе?* – а потом поддались уговорам. Помню, как я была горда приемом, который закатили мои родители, когда настала наша очередь принимать гостей; мама испекла свои знаменитые бисквитные пирожные, папа разведал окрестности, и мы ездили по достопримечательностям, набившись в его пикап. Мой братец Майкл ныл, что окружен девчонками, и просился вернуться в школу пораньше – он тоже учился в пансионе.

Есть пара фотографий у Салли, у нее времяпрепровождение было менее упорядоченным и целиком зависело от настроения отца – он был то само очарование, то сердитым и пугающе-громким. Салли, как послушная дочь, его не осуждала, всячески оправдывала, подстраивалась под его настроение и как-то раз объяснила нам, что «папа просто трудоголик и у него ответственная работа», однако мы с Кэрол ее отца побаивались и морщились каждый раз, когда он наливал себе виски за обедом – мы уже знали, что вечером из спальни родителей, расположенной по соседству с нашей, будет доноситься ругань. Если честно, мы очень любили, когда отца Салли не было дома – в его отсутствие всем было спокойней. Еще одним неоспоримым преимуществом нахождения у Салли были ее старшие братья. Мы с Кэрол притворялись, что терпеть их не можем, а сами, разумеется, втайне на них заглядывались.

А в доме Кэрол царили женщины. Папа погиб в автокатастрофе, когда Кэрол была маленькой, братьев и сестер у нее не было. Дебора, разумеется, сильно скучала по дочери во время учебных триместров и баловала нас как могла. У нее всегда был безупречный маникюр, а к нашему приезду она покупала огромный арсенал лаков и делала маски из взбитых белков с медом.

В одной из коробок нашлась целая серия фотографий, где мы красовались с огуречными колечками на глазах – я даже невольно потеряла щеку. Вспомнила, как от масок щипало кожу.

Я выбираю три наиболее удачных снимка; Дебора, как и дочь, ослепительно красива, но в отличие от нее – брюнетка, у нее высокие скулы, ярко-синие глаза и выразительные брови, всегда изогнутые – словно она ждет ответа на вопрос.

Адам озадаченно наблюдает за сборами, мое поведение явно его нервирует. Я не рассказывала про Мэтью, только вскользь упомянула, что мы пытаемся найти Кэрол.

Я теперь каждый день смотрю новости, у меня екает сердце, Адам все видит, но я пока увильваю от ответов. Конечно, я боюсь разоблачения. Однако реакции Адама я боюсь больше – что он подумает обо мне, когда узнает?

– Ну правда, Бет! Скажи, что с тобой? Ты какая-то измотанная. Сама не своя.

Укладываю маленький чемодан, Адам ставит передо мной кружку с кофе. Я наврала. Сказала, что мы с Салли решили пройтись по магазинам в большом дисконтном центре в Кенте.

Вчера он принялся расспрашивать о прощальной вечеринке в обители. Я скрепя сердце прятала глаза. Раньше мы были близки, я все ему рассказывала. Кроме одной страшной тайны – которая осталась далеко в прошлом, и я наивно полагала, что она никогда между нами не встанет.

– Почему бы вам не заехать в школу после магазинов?

– Что?

– Вы будете всего в часе езды от Рая, зачем ехать в школу дважды?

– Нет, так нельзя! Совсем не то получится! Зачем приезжать до праздника? И потом – мы не хотим без Кэрл.

– А зачем тебе вообще присутствовать на школьной вечеринке? Не понимаю, Бет! Ты ни разу не изъявила желание поехать на встречу одноклассниц. Никогда о школе особо не говорила – и вдруг такой энтузиазм!

Он идет за мной со своей кружкой кофе, я нарочно стараюсь не поворачиваться к нему лицом.

– Это не просто встреча одноклассниц, понимаешь? Это *прощальная* встреча. Школу сносят, территорию отдают – кажется, под студенческие общежития. А сейчас мы просто хотим развлечься. Походить по магазинам. Мы не собираемся в школу.

Адам в конце концов смиряется, мы прохладно прощаемся быстрым поцелуем в щеку. Ненавижу, когда целуются, не глядя друг другу в глаза.

По дороге возникает непредвиденная проблема – я забираю Салли, потом Мэтью, и, садясь в машину, он смотрит на нее чуть дольше, чем нужно. Я вдруг ощущаю приступ раздражения.

У Мэтью из вещей лишь маленький черный рюкзак, он кладет его в багажник и усаживается – сначала позади Салли, а затем позади меня, чтобы лучше ее видеть.

Я стараюсь поддерживать приятную беседу, тщетно пытаюсь возвращать разговор к делу, однако даже если бы я выкрасилась в зеленую краску с ног до головы, они и то меня не заметили бы.

Позже мы с Салли распаковываем вещи в номере.

– Глупости! – возмущается Салли.

У Мэтью номер под нами. Мы с Салли поселились в одном.

– Ты не была третьей лишней! Я просто с ним общалась. Что на тебя нашло, Бет? Между прочим, это твоя затея! Я вообще не хотела...

* * *

Игральный клуб оказывается местом не для слабонервных – мы усаживаемся за столик в прокуренном помещении, где сигареты официально запрещены, однако из «зоны для курящих», отделенной от общего зала двустворчатой дверью, поминутно вырываются клубы смертоносного дыма. Сегодня вечер Элвиса, поэтому мужчина в белом комбинезоне с блестками вопрошает со сцены «одинокими ли мы сегодня?», затем специальный человек в серебристом блестящем пиджаке начинает выкрикивать числа. Следить за полем совсем не просто. Люди вокруг относятся к происходящему совершенно серьезно, и пока Мэтью заводит разговоры с сотрудниками, нам приходится делать вид, что мы тоже играем, чувствовать себя безнадежными неудачницами и изредка окидывать зал глазами в надежде увидеть Дебору.

«Теперь понятно, почему все больше игроков предпочитают делать это по интернету», – думаю я.

Мэтью долго беседует с администратором на стойке и наконец возвращается.

– Нам повезло, – шепчет он, улыбаясь Салли. – Девушка, которая только что заступила на смену, сразу же опознала фотографию. Дебора приходит каждую среду!

– Почему же ее нет?

– Еще рано. Мне лучше подождать с вами или еще походить с фотографией? Вдруг кто-то знает, где она живет?

Мэтью в хорошем настроении. Прекрасно проводит время. «За наш счет!» – мстительно думаю я. Мне он резко понравился. Потому что ему понравилась Салли.

Перерыв в игре, дышать по-прежнему нечем, Элвис заунывно поет в микрофон, Салли с Мэтью обмениваются робкими улыбками. Я выдерживаю минут десять и иду в туалет. Там строго спрашиваю у своего отражения: «В чем, собственно, дело?»

Я что, ревную? Мэтью с Салли друг другу приглянулись, а я завидую? Безумие какое-то! Я счастлива в браке! Мне повезло. Конечно, Мэтью привлекателен. Красивые глаза, приятный голос. Я просто не ожидала, что они с Салли начнут кокетничать, как малолетки.

Я вдруг чувствую себя ужасно одинокой, тянет позвонить Адаму и извиниться за ужасное прощание. Как я могла позволить этой ситуации нас разделить? Однако я опасаясь, что застаю Адама посреди футбольного матча или прогулки с мальчишками, и тогда он будет говорить тем тоном, который я так ненавижу, пытаюсь поскорее от меня отделаться, и тогда я еще больше расстроюсь. Я зла на себя. Какая же дура – только вредные подростки обижаются, когда подруге достается больше внимания. Стыдно! Я долго копаюсь в туалетной комнате, делаю вид, что поправляю макияж, но на самом деле с удивлением наблюдаю за женщинами, которые забегают на минутку, не прерывая бурных обсуждений даже в кабинках, не обращая на меня никакого внимания.

Самое поразительное – им всем явно очень хорошо. Они смеются. В этом ужасном месте. С пошлым Элвисом и жирными сосисками с жареной картошкой. Они укуриваются до посинения за двустворчатými дверями. Теперь я завидую не только Салли и Мэтью, а всем, кто радуется жизни. Кто шутит и смеется с подругами. Я кажусь себе высокомерной. Злобной. И безмерно несчастной. Вспоминаю, как мы проводили время с Кэрол и Салли, думаю, как могли бы быть вместе сейчас. Если бы не...

Закрываю глаза и мысленно возвращаюсь *туда*. Голубые полки, ракушки в ряд. Кровь и ужас...

Когда я наконец выхожу из туалетной комнаты, раскрасневшаяся и потерянная, я вдруг вижу *ее* на другом конце зала. Встреча застигла меня врасплох. Я уже и забыла, зачем мы здесь.

Дебора только зашла, на локте висит бежевый плащ с шоколадно-коричневой подкладкой. Стоит в очереди к бару, но часто поглядывает на выступающего Элвиса, и я вижу – это точно она. Все такая же темненькая, чуть ближе к каштановому, что ей к лицу. Хорошо сохранилась – по-прежнему красавица, и брови, как и раньше, изогнуты, словно в немом вопросе. В данном случае – «какого дьявола вы тут делаете?». Она держит сумочку, чтобы заплатить за напиток, ногти – такие же длинные и изящные, как в детстве, – поблескивают алой глянцевой поверхностью в тусклом свете.

Я понятия не имею, как начать разговор. Что сказать? Как объяснить наше с Салли внезапное появление после стольких лет разлуки, да еще в компании частного детектива? Салли и Мэтью склонили друг к другу головы. Пытаюсь сосредоточиться, мысли расползаются, словно я сильно пьяна, протискиваюсь обратно к столику.

– Пришла, – шепчу я и киваю в сторону бара. – Дебора там, в очереди!

Оба поворачивают головы.

– Вы уверены, что это она? – шурится Мэтью.

– Перестаньте на нее пялиться! Точно она, но что мы ей скажем? Как объясним присутствие Мэтью? Боюсь, Дебора не оценит, что мы разыскали ее с помощью частного детектива.

Мэтью молодец, понимает намеки.

– Я подожду. Понаблюдаю отсюда. Если все хорошо, киньте сообщение, и я поеду в гостиницу. До встречи!

Он встает, хрустит кусочком льда из стакана с колой, улыбается Салли.

– Удачи!

Салли краснеет и провожает его глазами, пока он направляется к стенду с рекламными брошюрами. Мы выжидаем пару минут, затем идем к бару, приближаемся к Деборе со спины. Салли заговаривает первая:

– Дебора, это вы?

Та разворачивается на сто восемьдесят градусов, вид у нее сначала озадаченный, затем встревоженный.

– Салли и Бет, – напоминаю я. – Школьные подруги Кэрл. Много времени прошло... Вы нас помните?

У Деборы подкашиваются ноги, она теряет равновесие. Роняет сумочку, и мы втроем ползаем, собирая с липкого ковра серебряные и медные монетки.

– Мы не хотели вас напугать!.. Вот, кажется, все! – Я протягиваю Деборе монеты, беру ее под руку, и мы отходим подальше от толчеи и шума.

– Боже правый! Как вы сюда попали?

Дебора ловит воздух ртом и шарит рукой в поисках стула. Смотрит виновато и испуганно. И тут я понимаю – дело неладно.

Совсем неладно.

Глава 12

Мэтью, настоящее

Мэтью не сидится на месте. Чтобы успокоиться, он включает телевизор и шелкает с канала на канал. Не помогает. Он кидает пульт на кровать и мерит гостиничный номер шагами, опустив глаза на синий ковер под ногами.

Думает о Салли – как у них там дела с Деборой? Но в основном – просто о Салли. Он и не предполагал, что бывают *настолько* нефотогеничные люди. Мэтью плюхается на кровать и нервно болтает ногой.

Проверяет телефон. От Салли одно сообщение: «Повели Дебору на ужин в бар-ресторан. Она все еще в трансе».

По правде говоря, это для Мэтью не новость. Когда Дебора собралась падать в обморок в бинго-клубе, он едва не вмешался. Бет с Салли кое-как привели ее в чувство, напоили водой, но Мэтью насторожился. Конечно, на шок все реагируют по-разному. Однако реакция Деборы была за гранью обычного удивления. Подозрительно. Мэтью проследил за ними до конца улицы, посмотрел в окно, как они уселись за столик.

Он прекращает болтать ногой, достает планшет, чтобы еще раз просмотреть фотографии по делу. Какой же он болван – почему сразу не разглядел Салли? Мэтью виновато и недоуменно вздыхает, пролистывая фотографии. Невероятно... А говорят – камера не врет! Еще как врет!

В машине он чуть было не заявил это сразу, как только ее увидел. Аккуратный маленький носик, высокие скулы. Прозрачная кожа. Бросил один взгляд на точеный профиль и оторопел. Вот черт! Подвинулся, чтобы лучше рассмотреть. Поразительно! Высокие скулы. Кожа, как будто сияет, отражая солнечный свет. Чем он смотрел, когда изучал материалы дела? А еще бывший полицейский! Наблюдательный по долгу службы...

Сейчас в гостинице, наедине с собой, Мэтью радуется, что не выпалил первое, что пришло в голову. А именно – в жизни вы гораздо красивее!

Мэтью стыдно за себя. Он ерошит волосы, снова принимается ходить из угла в угол. Недопустимо, совершенно недопустимо, учитывая, что она клиентка. На всех фотографиях – из школы, со дня рождения в ресторане около десяти лет назад, неуловимая Кэрол сразу бросается в глаза. Длинные прямые волосы, классическая бесспорная красота. «Красотка, правда?» – сразу подловила его Бет в первую встречу. Он даже покраснел.

Салли он тогда почти не заметил. Третья подруга. Волосы длинные, каштановые. На детских фото пышные, почти кудрявые.

Мэтью возвращается к последнему снимку, сделанному в итальянском ресторане в день тридцатилетия Бет. Кэрол – как всегда, великолепна, Бет слегка озабочена, но широко улыбается, Салли – ничего особенного... Нет! Неправда! Теперь он так уже не думает. Расширяет картинку пальцами – приближает ее лицо. Улыбка. Безупречные зубы...

Рассматривая фотографии, он слышит смех Салли, совсем как в машине. Она смеялась громко, тепло и искренне, ее глаза весело блестели.

Салли подшучивала над Бет по поводу вождения.

Зачем включать поворотники на пустой дороге, Бет? Боишься нарушить, потому что у нас в машине полицейский?

Бывший полицейский...

А дело-то не такое скучное, как казалось. Он сначала даже братья не хотел. А сейчас... Странно, не нравится ему эта история. И еще – по непонятным причинам Салли никак не идет из головы. Надо взять себя в руки. *Соберись! Поплыл, как мальчишка!*

Он откладывает планшет и направляется к чайному подносу. Сразу отвергает растворимый кофе, перебирает чайные пакетики. Бергамот. К завтраку. Мятный.

Мятный чай наводит на мысли о Салли. Она развернулась в машине, чтобы предложить леденец, стала снимать фольгу, и их руки случайно соприкоснулись. Банально, наверное, ну и пусть! В первом прикосновении есть особая магия, юношеский восторг – будто искра пробежала по руке от кончиков пальцев. Леденцы рассыпались по полу и коробке передач, Салли рассмеялась. *Простите, пожалуйста!* Снова протянула конфетки и опять случайно дотронулась, отчего у Мэтью перехватило дыхание.

Салли поведала трогательную историю про покойного отца Бет – тот снимал фольгу с леденцов в один прием. Одной аккуратной спиралью. Без разрывов.

Мэтью щелкает чайником, останавливает выбор на черном чае, снова бежит по комнате, закусывая нижнюю губу. Так не годится, это плохо кончится! Задание выполнил, мать нашел – на этом все. Дело сделано, осталось получить гонорар. Пора возвращаться домой, размещать рекламу и искать новые заказы. Думать, как выплачивать кредит, а не размышлять, стоит ли пригласить Салли на пикник – будет ли это просто непрофессионально или откровенно неприлично? Мэтью зажмуривается и болезненно морщится. *Пикник... Ну ты даешь! Как маленький!*

Он, разумеется, ничего подобного не сделает, однако воображение уже рисует их вдвоем на его любимом месте на холмах Дартмура. Там есть хорошая полянка с густой травой, сидеть можно на камнях, а вино или пиво охлаждать в маленьком прудике, довольно глубоком. Или лучше загородный парк Стовер? Озеро, птички, деревянные столы под деревьями...

По дороге он успел упомянуть, что любит гулять. Обожает пикники.

Бет даже закашлялась. *Мэтью, и вы туда же!*

Выяснилось, что Салли (совпадение или знак судьбы?) тоже большая любительница пикников. Ей недавно подарили специальную корзину с набором тарелок и приборов, которую она с удовольствием использует.

Бет подняла их на смех, заявив, что у любителей пикников со свободным временем явно лучше, чем со здравым смыслом. Сама Бет скорее просто завернет бутерброд в фольгу и кинет в рюкзак.

Знаете, с двумя сорванцами уже не до ножей и вилок! Посмотрела бы я на вас!

Чай угрожающе темного оттенка, Мэтью поспешно вытаскивает пакетик и добавляет молока. А вдруг это знак судьбы? Совместная любовь к пикникам. У Мэтью тоже есть корзина с набором тарелок и приборов. Мама подарила на Рождество, о чем он успел проболтаться в машине. Мама была эстетом, она ненавидела бумажные тарелки и пластиковые стаканы. Приучила Мэтью ходить в кулинарию за свиными рулетами и паштетом, в пекарню за горячим хлебом.

Бет фыркнула.

Паштет? Ну прямо аббатство Даунтон!

Мэтью пьет чай и поглядывает на часы. От мыслей о еде – паштете и свиных рулетах – разыгрывается аппетит, Мэтью решает спуститься в бар – посмотреть футбол, перекусить, пропустить стаканчик. Постукивает носком ноги по полу, думает, как там дела у новых клиенток с матерью Кэрол.

Что же Бет с Салли от него скрывают? Они явно не договаривают. Кто будет нанимать частного детектива, чтобы разыскать одноклассницу для встречи выпускников? «Конец эпохи» тут ни при чем.

Мэтью щурится и перебирает версии. Наркотики? Анорексия? Школьная травля? Потом ежится от собственных воспоминаний.

Почему вы ушли из полиции?

Ему тоже есть что скрывать. Мэтью тяжело вздыхает, вспоминая зал суда. Глаза женщины. *Надеюсь, вы никогда не сможете спать спокойно!*

Мэтью гонит образы прочь, отпивает чай, закусывает нижнюю губу, думает. Два последних романа быстро закончились расставанием. Лора заявила, что не намерена тратить жизнь на мужчину *с прошлым*. А Элейн сказала, что он не способен на близкие отношения, и посоветовала обратиться к психотерапевту.

Начальство тоже отправляло его к психологам после процесса. Мэтью не пошел – какой толк в разговорах?

В общем, с отношениями у него труба. Бойфренд он никудышный. Да и человек плохой.

Решено! Прекрасную таинственную Салли на пикник он приглашать не будет. Мэтью глубоко вздыхает – с грустью, но в то же время с облегчением, и тут вибрирует телефон. Еще одно сообщение! Мэтью открывает, затаив дыхание. Читает и перечитывает текст.

Мэтью, с Деборой что-то не так.

Глава 13

Бет, настоящее

Я смотрю на красные щеки Деборы и думаю – а на что, собственно, я рассчитывала? Вот так сядем и все решим? Позвоним Кэрол, поплачем вместе и пойдем в полицию сдаваться? Перестанем прятаться от прошлого. Сотрем кровавый след с совести.

Разбежалась...

Мы в обшарпанной кафешке недалеко от Хай-стрит. Дебора выпила крепкий кофе, мы заказали еду. Дебора до сих пор прерывисто дышит, глаза у нее бегают, и цвет лица пугающе бледный.

Мы пока не услышали о Кэрол ничего плохого, но в том-то и загвоздка. Дебора упорно не упоминает Кэрол. Это уже не просто странно, а зловеще. Дебора уходит от темы, все мои попытки выведать парирует встречными вопросами.

Глядя, как Дебора нервничает, я понимаю, насколько опрометчиво поступила: Салли не хотела ехать, я ее заставила, а о чувствах Деборы и вовсе не подумала. Видеть ее в таком жалком состоянии невыносимо. В игральном зале я совершенно растерялась от ее первоначальной бурной реакции, Салли пришла на выручку – предложила пойти поесть. *Давайте сходим в ресторан? Или выпьем в баре?* Все что угодно, чтобы загладить вину.

Мэтью ждет новостей в отеле. Зря я его не послушалась. *Вот мой совет: я найду мать Кэрол, а вы потом ей напишете или позвоните. Вы долго не виделись – нужно действовать осторожно.*

– Может, у нее астма? – шепчет мне Салли, когда Дебора встает из-за стола и отправляется в туалетную комнату.

– Не знаю... Вообще не понимаю, что происходит! Ни на один вопрос о Кэрол не ответила!

Салли держит телефон на столе, рядом с собой.

– Ты с кем переписываешься?

– Написала Мэтью. Чтобы был в курсе... – краснеет Салли.

– Салли, ему совсем не все можно рассказывать!

– Думаешь, я не понимаю?

Салли заметно волнуется, заправляет волосы за уши.

– Я просто написала, что беспокоюсь, потому что Дебора странно себя ведет.

– Чудесно! Пусть он теперь разберется и докапается до правды!

– Не ерничай, Бет! Я вообще не хотела ехать, если помнишь!

В самый неподходящий момент возвращается Дебора, заказывает большой джин с тонином, выпивает почти залпом. Я еще раз рассказываю, как мы жалеем, что потеряли связь с Кэрол, и как по счастливому совпадению поехали в Брайтон. Вру, что нашла в интернете информацию о выставке в музее рядом с Королевским павильоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.